

★ СЫЩИК

★ СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО

★ ПОТОМКИ

★ СЫЩИК

Ирина Глебова

Ночные Тени

стиж роман ★ инвестиж роман ★ инвестиж роман

Ирина Николаевна Глебова

Ночные тени (сборник)

Серия «Сыщик Петрусенко: потомки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742915
ISBN 966-8768-33-0

Аннотация

В книгу «Ночные тени» входят два романа: «Ловушка» и «Оборотень» из серии «Сыщик Петрусенко: потомки».

Ловушка. Это современная остросюжетная любовная драма – динамичная, психологическая, с элементами эротики. Начинается она как популярный анекдот: муж возвращается из командировки и застаёт жену с любовником. Но дальнейшие повороты сюжета неординарны, труднопредсказуемы. Убийство и расследование, ряд верных следственных догадок, которые в итоге ведут к неверному выводу и судебной ошибке. В романе есть экскурс в историю знакомства и любви двух главных героев – Александра и Лидии. А также – история нарастания взаимного непонимания, приведшая к тому, что Лидия, продолжая любить мужа, становится любовницей другого мужчины.

Оборотень. Главный герой книги – двенадцатилетний мальчик Серёжа. Его отец-журналист приводит в дом человека, который ему представляется жертвой и с помощью которого он думает

провести своё журналистское расследование. Но это – маньяк-убийца, на розыск которого брошены большие силы. Мальчик и убийца проходят через роман рука об руку – жертва и преследователь. Их поединок богат на неожиданные повороты, поскольку у обоих неординарное мышление. Мальчик часто побеждает своей непредсказуемостью действий. Однако в конце концов оказывается в западне... Расследование возглавляет майор Кандауров.

Содержание

Ловушка	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	84
Глава 10	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ирина Глебова

Ночные тени (сборник)

Ловушка

повесть

Глава 1

Александр хлопнул дверцей такси. Получилось сильнее, чем следовало бы. А всё потому, что до последней минуты, уже отсчитывая деньги шофёру, он всё думал о том, как ловко обвели его вокруг пальца, одурачили. Словно мальчишку! А он так верил этим людям – внешне таким интеллигентным, чутким, желающим, в отличие от расплодившихся нуворишей, вести бизнес честно, чисто... Дурак!

Вот это раздражающее «дурак!» и вылилось в резкий толчок двери. Ему захотелось извиниться перед шофёром – он-то при чём? – но машина почти сразу взяла с места, скрылась за углом. Ну и ладно. Пожилой таксист за годы небось посмотрелся на людей с самым разным настроением, ему не привыкать.

Дождь кончился, но в воздухе почти неподвижно стояла

мелкая морось. Непокрытые волосы сразу стали влажными. Рядом ярко горел фонарь, и, обходя лужи, Александр пошёл к подъезду. На ходу поднял голову, посмотрел на окна своей квартиры. В зале темно, а сквозь задёрнутые шторы спальни тускло мерцает свет ночника. Конечно, Лидия не спит, читает, лёжа в постели. Кремовая, тонкого ситца ночная рубашка с вырезом на груди, красивые длинные ноги вытянуты поверх одеяла, может быть одно колено чуть согнуто, приподнято, русые длинные волосы расчёсаны, мягко обвивают плечи... Представив жену, он впервые за долгую дорогу улыбнулся. Много кругом нынче обмана, но уж Лидия – надёжный человек в его жизни. Может быть – единственный надёжный. Двенадцать лет они вместе, любят друг друга, как в первый год. Сейчас уже поздно, первый час ночи, а она не спит – плохо засыпает без него. Вот будет для неё радость – его неожиданное появление, на два дня раньше срока командировки!

Он легко поднялся по лестнице на свой третий этаж. Александр и днём-то лифтом не пользовался, а уж ночью будить весь подъезд воющей и громыхающей колымагой вовсе ни к чему. Ключ бесшумно повернулся в замке, дверь открылась и захлопнулась без скрипа. Сбросив влажный плащ и туфли, он в носках прошёл по ковровой дорожке мимо первой двери – его кабинета, ко второй – комнате жены, которая была и их общей спальней. Оттуда доносились прерывистые голоса – тише, громче... «Приёмник слушает, «Маяк», – по-

думал Александр, замедляя шаг. Всё ещё улыбаясь, приоткрыл дверь – слегка, на широкую щель. И даже не узнал сначала свою жену. Много раз видел он её обнажённую, в минуты их близости. Но не так же – совершенно со стороны!

Лидия сидела верхом на мужчине, а вернее – стояла на коленях. Её бёдра, бесстыдно распахнутые, обхватывали его торс, гибкое тело то наклонялось вперёд, прижимаясь к мужской груди, то, сладострастно изгибаясь, откидывалось назад. Волнами плескались густые волосы, то закрывая лицо и плечи женщины, то давая ему, Александру, увидеть странно знакомую, каждый миг меняющуюся её гримаску: томной, страстной, сладостной боли...

Он стоял неподвижно, в шоке, глаз не мог отвести. Блеснула сумасшедшая мысль: это сон, он видит Лидию и самого себя издалека. Да, верно, мужчина там, на кровати, напоминал его: высокий, худощавый и крепкий, волосатая грудь, тёмные с проседью волосы... Только это была реальность, и там, с его женою, был не он.

Когда Лидия наклонялась вперёд, мужчина хватал губами её сосок, и тогда она вскрикивала, начинала хрипло и лихорадочно бормотать: «Сильнее, сильнее...» Вот мужчина обхватил руками её ягодицы, стал помогать – поднимать и опускать её на себя. Рывки становились всё резче, быстрее... У обоих были открыты глаза, но видели они только друг друга...

Александр отступил и так же бесшумно, по ковру, вер-

нулся назад, к своей комнате. Щёлкнул настольной лампой, открыл шкаф и с верхней полки снял длинный кожаный чехол. Там лежал его новенький охотничий карабин, и он вынул его. Оружие было прекрасно! Короткий отполированный приклад так и просился в ладони, ствол тоже укорочен – дилетантам не раз казалось, что это автомат. Курок спускался бесшумно, а выстрел не бил по ушам, напоминал скорее громкий хлопок. Бельгийский многозарядный... Два года назад человек, которого он по инерции всё ещё называл «шефом», подарил этот карабин ему. Улыбался так искренне, просто и дружелюбно, что невозможно было отказать, не взять. «Я узнал, что вы, Алекс, заядлый охотник. А у нас тут с одной немецкой фирмой деловые связи. Я им намекнул, и вот... Возьмите, это лучшая, новейшая модель. Сам-то я и курка спустить не умею...» Ещё бы! – шеф и вся его рать тогда обхаживали его, привечали и приручали. А ему очень хотелось верить, что между интеллигентными, творческими людьми так и должно быть: дружба и вера на слово...

Его трясло мелкой неуёмной дрожью. Но приклад карабина словно прикипел к рукам – привычно, ловко. «Дар предателя покарает предательницу!» – эта мысль, словно прочтённое изречение, показалась ему такой точной и неотвратимой, что, идя обратно к спальне, он повторял её вновь и вновь: «Дар предателя покарает предательницу!»

Лишь на секунду Александр задержался у приоткрытой двери. Лидия лежала на спине, нога и бедро её любовника

обхватывали её живот, он ещё глубоко дышал, но уже лениво и блаженно касался губами её левого соска. Александр глубоко вздохнул, твёрдо, но не резко распахнул дверь и вошёл, вскинув карабин, стараясь скрыть не проходящую дрожь.

– Вставай! – сказал он мужчине. – Быстро! И одевайся.

Но глядел только на Лидию. Она в первую секунду вскрикнула, рванулась встать, но так и замерла, полусидя, с ладонью на губах. В её глазах, вместе с ужасом, стыдом, болью, было ещё что-то – что, он не мог понять. «Убью мерзавку у него на глазах!» – думал Александр. На этом обрывал свою мысль, хотя там, в подсознании, понимал – потом нужно будет убить себя.

Теперь он перевёл взгляд на мужчину. Тот уже лихорадочно одевался, трясущимися пальцами застёгивал молнию на ширинке, запихивал за пояс рубаху, забыв её застегнуть. Сейчас, уже более отчётливо, Александр вновь поразился – этот чужой человек, любовник Лидии, очень напоминал его самого. Нет, за близнецов их, конечно, не примешь, но совершенно тот же тип мужчины: возраст, рост, сложение, густые волосы с лёгкой проседью...

«Господи, зачем ей был нужен точно такой же, если есть я сам!» От этой мысли у него дёрнулись губы, лицо исказила горькая гримаса. И, словно уловив какое-то послабление, мужчина, молчавший до сих пор, лихорадочно заговорил:

– Не надо, прошу вас, не надо! Я сейчас уйду! Никогда больше! Прошу прощения, никогда! Мы же цивилизованные

люди! Не надо! Всё ведь бывает! Дело житейское...

Александр, который уже слегка ослабил хватку, чуть опустив ствол, внезапно побелел. «Дело житейское, – сказал ему совсем недавно шеф, улыбаясь иудовой улыбкой и слегка хлопывая по плечу. – Выживает сильнейший, закон джунглей. Дело житейское...» В висках у Александра запульсировала кровь, залила ему горячим пламенем глаза, и руки сами сделали привычное дело – вскинули карабин и нажали на курок. Патрон был в стволе, он целый год был там – так, на всякий случай: от грабителей, взломщиков, просто для спокойствия. Этот патрон снёс половину черепа незнакомому мужчине, изуродовав лицо.

Глава 2

Александр вынес бесчувственную Лидию к себе в кабинет, положил на диван, сел рядом. Он кое-как прикрыл её наготу попавшейся под руку своей рубахой, и теперь глядел в её неподвижное, бледное, прекрасное лицо. Несколько минут назад он хотел убить её и себя. В самом ли деле хотел, или только думал? Но сейчас, сделав то, что сделал, он понимал, что наказал жену, может быть, сильнее, чем смертью. А ещё больше наказал себя.

Но разве он виноват? Они, предатели, сделали его убийцей: те, кто называл себя его друзьями, та, которая говорила ему о любви... Он старался не думать о незнакомом человеке – о мертвце, лежащем в соседней комнате. Тот, как раз, был виноват меньше всего. Знал, конечно, о его, мужа, существовании, но не был знаком и в глаза не видал. И вот теперь лежит, там... залитый кровью, без лица... родная мать не узнает...

Александр встал, подошёл к окну. Ночь, вновь моросит дождь, внизу горят редкие фонари, на улице пусто, тихо. Неужели никто не слышал выстрела? Да, он негромок, но ведь и вокруг тишина! Надо пойти и осторожно выглянуть в подъезд... Но и там царило спокойствие: ни любопытных лиц соседей, ни щёлканья открываемых замков. Что ж, хорошо.

Когда Александр вернулся в кабинет, Лидия полусидела, глядя перед собой странным взглядом. Увидев его, вздрогнула, глаза наполнились тоской и ужасом. Ему показалось, что женщина сейчас закричит. Но нет, она молчала. Минуту, две или три они смотрели друг на друга. Потом он пошел к ней, с болью видя, как сжимаются плечи жены, искажается страхом лицо, пальцы тянут к подбородку рубаху. С удивлением он понял, что нет уже у него ни гнева на Лидию, ни злости. Только обида. Перехватывающая дыхание обида на самого близкого и родного человека.

– Лида!

Он сел рядом. В его хриплом тихом голосе она, видимо, уловила что-то такое, отчего опустила руки, расслабилась. И тут же слёзы потекли из глаз.

– Лида, но почему? Зачем он был тебе нужен?

Она плакала, и беззвучные рыдания сотрясали плечи.

– Ты не любишь меня больше?

Теперь она рыдала вслух. Нет, притворства здесь не было: Александр чувствовал, что тихие звуки рвались из сердца. И заикаясь, сквозь рыдания, она повторяла:

– Люблю... Всегда любила...

– Но ты предала меня! – Его голос сорвался, он вскочил, заходил по комнате. – Предала, как те негодяи!

– Нет! Нет!

Лидия иступленно мотала головой, пряди волос прилипли к мокрым щекам. Вдруг он снова сел рядом с ней, схватил

обе её руки у запястий, тряхнул. Сказал властно:

– Успокойся! Ты можешь искупить свою вину. Сделаешь?

Её глаза мерцали – от слёз ли, света ночника или внутреннего напряжения? Александр смотрел, не мог отвести взгляд. Она тоже смотрела прямо на него. Легонько освободила одну руку, потянулась к его лицу.

– Да, сделаю. Всё, что скажешь.

Тонкие горячие пальцы коснулись его небритой щеки, и Александру вдруг захотелось прижаться к ним губами. Он с трудом подавил порыв нежности.

– Этот... человек, он ведь похож на меня?

– Не знаю...

Лидия смотрела удивлённо, но через минуту выражение лица изменилось.

– Да, кажется, похож.

Она как будто только сейчас осознала это. Но он уже говорил дальше:

– Ты скажешь в милиции, что это – я. Что я покончил с собой... Я ведь и вправду хотел это сделать: убить тебя и себя. А вот как получилось.

Женщина не поняла его. Она всё ещё сидела, прикрываясь рубахой, смотрела растерянно и испуганно.

– Ты убил себя? Как?.. Не знаю... Почему?

Александр стиснул зубы, подавляя внезапную вспышку злости.

– Да, я хотел себя убить! А теперь хочу жить! В том, что

случилось – твоя вина! Так помоги мне!

– Но как это возможно, выдать его за тебя?

Злость отпустила. Устало сев к столу, он сказал:

– У твоего любовника теперь нет лица. А во всём остальном он вполне сойдёт за меня. Или кто-то знает, что ты с ним?..

– Никто.

– А соседи?

– Нас никогда не видели.

– Ага! – Александр вскочил, но, увидев, как Лидия сразу задрожала и сжалась, заставил себя сесть. Сквозь зубы сказал:

– Значит, это не в первый раз... Ладно, не хочу и знать. Скажи только, кто он? Его должны искать?

– Он не из нашего города, командировочный...

– Значит, хватятся не скоро. Это хорошо...

Он смотрел, как жена тихонько, настороженно поднялась, достала из шкафа и стала надевать другую его рубашку – длинную, байковую, в красно-чёрную клетку. Быстро натянула, торопливо застёгивая пуговицы. Рубашка доходила ей до середины бедра, и в ней, просторной, со свисающими рукавами, Лидия казалась особенно стройной, длинноногой. У мужчины, глядящего на неё, горячо стало внизу живота, сладкой судорогой потянуло мускулы ног. Сердце заколотилось, и он понял, что сейчас, через секунду, вновь снимет с неё эту рубашку. Что-то, какое-то чувство пыталось остановить его, кто-

то там, в той комнате... Но он уже расстёгивал пуговицы, глядя в её близкие испуганные глаза.

– Боже мой, Алик, – шептала она. – Разве можно... Там мёртвый...

– Забудь! Как я забыл. Пока...

Он почувствовал, как податливо раскрывается она, впускает его в себя, и со сладостным стоном и вправду забыл обо всём... Они были вместе, одно целое, их любовь не пропала, наоборот – сильнее вжимала их друг в друга, наливала обнимающие руки силой, а губы жаром. Словно это было их первое, вновь первое соитие. И последнее.

Потом она плакала, уткнувшись мужу в плечо, а он молча гладил её волосы. И лишь когда она стала быстро и мелко солёными губами целовать его грудь, Александр сказал:

– Я вернулся из командировки неожиданно, ты меня не ждала, крепко спала. Разбудил тебя выстрел... Логичнее было бы сделать это здесь, в кабинете, но... как объяснить тогда кровь в спальне? Значит так: я зашёл, тронул тебя за плечо, разбудил, сказал что-то вроде: «Прощай, Лида, прости, не могу дальше жить...» Вообще, ты могла точно спросонья да с испугу не запомнить. И потом выстрелил сам в себя... Да, так будет лучше, правдоподобнее.

Она молчала, вновь сжавшись в клубочек. Он прикоснулся губами к её виску, успокаивая.

– Не бойся. Всё будет нормально. Тебе поверят, у меня были причины так поступить. Следовательно всё равно будет

проверять, найдёт подтверждение... У него вещи есть с собой?

– Портфель. Там, в комнате...

Александр поднялся.

– Оставайся здесь. Я сам всё там сделаю, что нужно.

Он надел только плавки: с тела кровь легче смыть, чем с одежды. Мёртвый лежал на спине, раскинув руки. Он был страшен, кругом кровь и что-то грязно-серое, комками... Но Александр сказал сам себе вслух:

– Ты это сделал, вот и смотри, не отворачивайся.

На убитом была рубаха в чёрную полоску – такие нынче модны, продаются на вещевом рынке в любом городе. Это хорошо, у него самого вполне могла быть такая. И брюки тоже самые ходовые – из мягкой, похожей на замшу зеленоватой ткани. На нём самом надеты почти такие же, только серые. На стуле лежал, небрежно брошенный, пушистый импортный джемпер. Конечно, кто кроме жены знает, какие были у него вещи. Но всё же, если милиция станет сильно докапываться, сослуживцы могут сказать, что подобного джемпера у него никогда не видали. Это вызовет подозрение... Решено, джемпер он заберёт с собой.

Да, теперь главное – карабин. Александр взял на трельяже, из Лидиной шкапулки, две бумажные салфетки, обернул одну руку носовым платком и тщательно протёр приклад, дуло, курок... Потом осторожно опустился около мёртвого на колени, с правой стороны, взял холодную вялую руку, поло-

жил ладонью на приклад, курок...

Ну, кажется, всё. Он прихватил джемпер, красивый кожаный портфель-чемоданчик и пошёл к двери. На выходе оглянулся: вот лежит он, Александр, по лицу не опознать, а особых примет у него нет. Хотя... стоп! На левой ноге ноготь большого пальца тёмный. Давняя история... Студентом он играл в университетской футбольной команде. Один из игроков, его друг, сломал ногу, и Александр пошёл его проведать. Парень ловко прыгал на костылях с загипсованной ногой. Они шли на кухню покурить, когда приятель наступил ему костылём прямо на ногу, на палец! Случайно, конечно. Долго у Александра палец болел, он даже не мог играть в футбол. Вот тогда по-настоящему и увлёкся программированием... А ноготь на травмированном пальце стал чернеть. Сам палец давно уже не болит, а вот ноготь так и остался тёмно-жёлтым. Впрочем, кто об этом знает, кроме Лиды? Никто, как будто. А она не станет говорить. И всё же, через силу, он вернулся, стоя на коленях, стащил с левой ноги мёртвого носок. Ещё раньше он заметил на прикроватной тумбочке свою пепельницу с парой окурков и чужой зажигалкой. Теперь он взял эту зажигалку, крутанул колёсико, поднёс пламя к ногтю большого пальца...

Глубоко в подсознании он повторял сам себе, успокаивая, убеждая: «Ему не больно, я уже сделал самое плохое – убил его, и теперь ему не больно...» Но в само сознание, которое в эти минуты двигало его руками, дыханием, взглядом, серд-

цебиением, Александр не пропускал ни одной мысли, только то, что доходило извне: дробь дождевых капель о стекло, скрип половиц, шорохи его собственных движений... Ладонью он стёр коготь с ногтя. Что ж, какая-то имитация получилась: ноготь на большом пальце левой ноги убитого немного потемнел. Вряд ли кто-то будет доискиваться причины, а внешнее сходство есть. Пусть даже про эту примету никто и не вспомнит, он, Александр, теперь будет более спокоен.

Как только он ступил в коридор, сейчас же спазм, давно назревавший, скрутил желудок. Александр еле успел добежать до туалета. Его рвало долго, мучительно, до желчи, и в ванную он почти вполз – дрожащий, мокрый от пота, обессиленный. Горячий душ привёл его в чувство, но когда он вошёл в комнату к жене, был бледен, со взглядом пустым и погасшим. Полчаса они ещё сидели, обнявшись, обговаривая детали того, о чём придётся рассказывать Лидии... Когда он уходил из дома, надев чужой серый плащ, он обернулся в дверях, долго смотрел на жену – дрожащую, с огромными, полными слёз глазами, сцепленными у подбородка ладонями, и сказал только лишь:

– Ты меня погубила, ты меня и спасёшь!

* * *

Ещё в квартире Александр заглянул в портфель: ничего

особенного, обычный дорожный набор командировочного. Тут же были и документы убитого. Они оказались тёзками – даже здесь совпадение! Ох, Лида, зачем?.. Но нет, он не хотел думать о жене и этом человеке. Ведь теперь бедняга был мёртв, убит им самим. Он был уже не мужчина – ничто! – и Александр не мог теперь думать о нём, как о любовнике своей жены. И о ней, обнажённой, с разметавшимися волосами, изогнутым станом, верхом на... ком? Его уже нет в природе! Нет, и о ней он не мог думать. Он думал о себе.

Но сначала он выбросил портфель. Хотел взять его себе, воспользоваться чужими документами – свои пришлось оставить в квартире. Но совсем немного отошёл от дома и почувствовал, как оттягивает руку как будто лёгкий портфель. И понял, что не сможет жить под именем убитого им человека. Бог с ними, с документами! Сейчас такое время – неразбериха, миграция, беженцы. Никому ни до кого нет дела. Устроится как-нибудь и документы новые достанет. А потом, может быть, свяжется с Мазером, тот организует ему выезд за границу – не откажет!..

Через квартал от дома громоздились, размокшие от дождя, груды развороченного асфальта и земли. В котловане, при свете близкого фонаря, видны были трубы в новой, хорошо просмоленной обивке. Видимо ремонтные работы окончили поздно, не успели только засыпать котлован – рядом стоял бульдозер. И лопата с обломанной ручкой, как специально, валялась у земляного вала. Вырыв в нём углубление,

Александр засунул туда портфель, закопал. Завтра бульдозерист с утра двинет всю эту кучу земли, опрокинет в яму... И портфель останется засыпанным, погребённым, вместе с документами, зубной щёткой, джемпером...

Теперь Александр шёл по ночному городу налегке. Но подобной лёгкости не было у него в душе. Не желая думать о недавнем, самом страшном, он уходил мыслями на два года назад, к трагическому повороту в своей жизни, к тем людям, которые заставили его стать злобным, истеричным, ни во что не верящим.

Глава 3

Ещё в институте Александр был лучшим, подающим большие надежды студентом. Генетика, после долгих лет запретов и унижений, переживала бурный всплеск. Трудно было догонять далеко рванувших вперёд Запад и Америку, но уже в аспирантуре Александр написал такую работу... Вообще, его имя появилось в иностранных научных журналах. Младшим сотрудником исследовательского института он поехал на международный симпозиум и там получил первое предложение от западных коллег – работать вместе. Но он вернулся и сделал подряд три громких открытия – и вновь о нём говорили и писали. Впрочем, известность эта существовала лишь в узком кругу специалистов, жил он не в столице, хотя и большом городе – научном и промышленном центре целого региона, в специализированном научном городке, работал в том же НИИ, правда, уже старшим научным сотрудником. И постоянно рядом с ним был друг и покровитель, замдиректора Боря Мазер.

Да, именно Борис всё обставлял так, что Александр знать не знал трудностей. Любая предложенная им тема – пожалуйста! Необходимое оборудование – вот оно! Борис сам регулировал трения с начальством, следил за публикациями в научных изданиях, заставлял Александра вовремя отвечать на приходящие от зарубежных коллег письма. Даже кварти-

ру выбил ему – двухкомнатную, улучшенной планировки – до этого Александр и Лидия жили в одинарке. И не лез в соавторы, со смехом говорил:

– Какой из меня учёный, курам на смех! Я же чистый хозяйственник.

Перестройка сотрясала страну, но Александру нужна была его работа, и он не слишком обращал внимание на происходящее вокруг. Пока однажды не очутился у закрытых дверей своего института. Института, прекратившего своё существование, ставшего никому не нужным в эпоху «бешеного рынка», где главный интерес – купить и перепродать. Он не мог этого понять! Ведь наука вечна! А генетика – это будущее страны, нации, мира...

Впрочем, Александр не пропал. Лучший друг Боря Мазер как-то мгновенно организовал совместное германское научно-производственное объединение с потрясающим названием «Экология человечества», стал его председателем, а Александра сделал ведущим специалистом. На центральной улице города был куплен уютный двухэтажный особнячок, быстро отремонтирован, оборудован под офис, три рабочих кабинета, компьютерный зал, курилку и кафе только для своих. Оборудование было импортное и самое современное, заказы на разработки интересные и перспективные. Александр работал с удовольствием и получал очень приличные деньги. Правда, все его исследования уходили за границу, на что Боря философски пожимал плечами:

– Здесь это никому сейчас не нужно, сам видишь. А там люди понимаю, что к чему, готовы хорошо платить.

Так прошло два года. Но наступило время, когда Борис стал нервным, суетливым, дважды подряд съездил в командировки за границу, и однажды позвал Александра в кафе, когда все сотрудники уже разошлись. Девочки-официантки быстренько сервировали им президентский стол, по мановению руки Бориса приглушили музыку и свет.

– Всё, – сказал Боря. – Я уезжаю насовсем, в Германию. Здесь уже ничего нельзя сделать, дают налогами, комиссиями, проверками. На одних взятках разориться можно. Может, и ты со мной, Сашок?

Александр помолчал. Он уже раньше догадался, что Боря готовится отбыть в дальние края. Конечно, сам он был человеком науки, но ведь не глуп и не слеп. Понимал, какие огромные деньги проходят через их НПО, оседают в западных банках на счету у Бори и кого-то там ещё. Не только чистой наукой занимается друг Борис, но такими делами, которые даже в наше смутное и бесконтрольное время нужно было вовремя прекратить и исчезнуть. А наука... Что ж, она была хорошим прикрытием. Впрочем, Александр отдавал отчёт в том, что не только служил прикрытием: его разработки приносили очень приличные капиталы. Иначе зачем бы Боря стал звать его с собой?

Он покачал головой:

– Нет, я там не смогу...

– Я знаю, ты патриот!

Боря, казалось, не был разочарован, не настаивал. Александр усмехнулся:

Нет, не то, чтобы я образцовый гражданин или там патриот – просто призрачный сал на Садовой, бор сосновый да сумрак лиловый, тёмный берег да шрам пустяковый – это всё лишь со мною уйдёт.

– Ну, как знаешь... – Боря заговорил быстро, по-деловому. – Я это всё продаю, уже нашёл покупателя. Всем сотрудникам хорошую компенсацию выплачу, а тебе, само собой, особо.

И этих слов Александр ожидал. Последние две недели неотступно думал: как быть? Прошло время, когда можно было плыть просто по течению – как вывезет! И уповать на талант тоже становилось ненадёжным. Остаться в вечных дураках, трусливо закрывать глаза – позорно. Ох уж эта лжеинтеллигентность! «Добро должно быть с кулаками...» Да, переступая через свой характер и уступчивость, даже насилуя себя, но необходимо приобретать твёрдость, жестокость...

И он ответил Борису – спокойно, уверенно, а руки держал под столом, чтобы пальцы не выдали нервозности.

– Нет, дорогой друг и покровитель. Так не пойдёт. Продавать ты ничего не станешь, а переформишь всё на меня.

– Не понял... – Боря хохотнул, но глаза у него стали круглыми и изумлёнными.

– А что тут непонятного? Ты езжай, а я останусь, стану главой частной фирмы, продолжу разработки – в этом офисе, на этом оборудовании.

– Нет, ты постой! Шутишь? Я же во всё это столько капитала вгροхал, а ты хочешь задаром грабануть?

– Ну и лексика у тебя, Борис! – Александр поморщился. Он уже был совершенно спокоен и даже бесшабашен, рук не прятал, а наоборот – постукивал карандашом по столу. – А насчёт капитала... Ты же знаешь, я человек не глупый, хочешь, подсчитаю тебе и затраты твои, и доходы, и накопления, нигде не учтённые? У меня в памяти одного из компьютеров всё хранится, до мелочей...

Борис испугался. В компьютерах он не разбирался совершенно, но верил в их возможности безгранично. Да и в голосе своего учёного «друга-лопуха» уловил нечто... Испугался и поверил, что Александр всё знает и всё, что обещает, может сделать. Быстро, лучше всякого компьютера, прикинул, что теряет сейчас и что может потерять в будущем: ведь из страны он ещё не уехал, даже всех документов не оформил. Да, цены были несоизмеримы. Он ещё раз посмотрел в спокойные, чуть насмешливые глаза Александра и вздохнул обречено. А потом искренне рассмеялся:

– Ну, ты и хват!

Расстались они по-приятельски, и даже какое-то время от-

туда, из Германии, Борис продолжал давать ему заказы на разработки. Но потом замолчал, исчез. Но и без того дела у Александра пошли всё хуже и хуже. Теперь сам, на своей шкуре, ощутил он справедливость Борисовых нареканий на бессовестные налоги, комиссии, проверки, вымогательство взяток. И понял, что если и потянет дальше сам своё частное дело, то так и будет еле сводить концы с концами. Вот тогда, в тот трудный период, и познакомился он со своим нынешним шефом – главой большого многоотраслевого концерна, человеком широких интересов, эрудиции, истинным, как казалось ему, интеллигентом. «Мы возьмём вас под своё крыло», – сказал ему этот человек. И Александр понял, что спасён.

Первые полгода он жил в состоянии эйфории. Правда, когда оформлял документы, передавая и особняк, и всю вычислительную технику, и автомобиль на баланс концерна, сердце забилось, зануло... Всё-таки он привык к мысли, что это – его дело, его имущество, его гарантия в жизни. Даже сомнения появились. Но шеф, словно почуяв его колебания, пригласил его в загородный дом отдыха своего концерна – чудный особняк с колоннами, фонтаном у входа и огромным парком, и там развеял все сомнения Александра.

– Дорогой друг, – сказал он ему, уже подводя итог беседы, – с нового года мы будем переоформлять наши уставные документы, и тогда, в новом положении о концерне, вы станете одним из учредителей, держателей значительного паке-

та акций. Ещё бы! Ведь какой весомый вклад вы делаете! Всё вам вернётся сторицей в дивидендах. И я даже вижу в перспективе, что именно вы станете моим первым помощником, вице-президентом.

А пока шло лето, и Александр с Лидией жили здесь, в этом особняке, купленном концерном у бывшего детского пансионата и отделанного с комфортом и даже шиком. Эта жизнь – трёхкомнатный номер, сауна, бассейн, массажисты и тренажёры, завтраки, обеды и ужины в ресторане, ночное кафе, машина в любое время дня для поездки в город, возможность сделать любой заказ, – эта непривычная доньше жизнь так быстро стала обыденной, так расслабляла и убаюкивала... Тем временем бухгалтера концерна ловко и умело переоформили все документы его частной фирмы «под крышу» концерна. Он сам согласился, что это нужно сделать сразу, сейчас, не ожидая начала нового года, чтобы избежать очередного грабительского налога. Бухгалтера концерна знали, как это сделать – они были асы своей профессии. Самого Александра почти и не тревожили, только привозили ему на подпись бумаги прямо сюда, за город.

Потом Александра оформили заместителем директора теперь уже бывшей его фирмы. Шеф очень убедительно доказал, что ему, бывшему владельцу фирмы, лучше пока, на первых порах, оставаться в тени.

– Но это формальность! – доверительно говорил шеф, приехавший провести вечерок на свежем воздухе и прогули-

ваясь с Александром по аллеям парка. – Настоящим директором остаётесь вы. Мой племянник мальчишка, он лишь будет занимать должность, но во всём слушаться вас и учиться у вас.

Оклад Александру назначили такой, что у него дыхание перехватило. И скоро Лидия ушла с работы, теперь они могли спокойно это себе позволить. Тем более, что в её конструкторском бюро уже три месяца не платили зарплату и поговаривали, что их закрывают.

И вообще, новый образ жизни закружил. Банкеты и приёмы партнёров из других городов и стран. Поездки на консилиумы и деловые встречи... В каких загородных частных коттеджах и фирмовских виллах он побывал, в каких богатых гостиницах жил! Шеф повсюду брал его с собой, представлял, называл все звания. Гордился!

Так незаметно пролетела зима. Однажды Александр хватился: а как же с переоформлением документов и его учредительством? Шеф огорчённо развёл руками – в этом году городские власти не требовали новой регистрации концерна, отложили до следующего года. Вот тогда...

К этому времени поездки как-то незаметно пошли на убыль, и Александр всё больше времени проводил в родной своей фирме. Оно бы и к лучшему, да только что-то разладилось, что-то шло не так... Директор, племянник шефа, был с ним предельно почтителен, но очень скоро Александр увидел в этом молодом человеке и раздутое самомнение, и чван-

ливость, и невежество, умело скрытое за напускным интеллигентным лоском. А некоторые его манеры были смешны, хотя тоже говорили кое о чём. У себя в кабинете этот юнец с пышной шевелюрой и скошенным безвольным подбородком держал несколько пиджаков, десятка два галстуков и множество пар носок. В день всё это он менял по несколько раз.

Поначалу ещё шли немногие заказы на разработки, связанные с космосом: биология, выживание человека. Но и этот ручеёк на глазах иссяк. А компьютерный зал наводнили молодые люди в шикарных пиджаках, часах «Сейко» и «Роллекс», у особнячка постоянно стояли их «Мерседесы» и «Вольво». Что они просчитывали на компьютерах, Александр не знал, а когда попытался выяснить, директор-племянник покровительственно вывел его под руку в кафе, заказал две чашечки и дружелюбно-менторским тоном сказал:

– Эти парни – партнёры нашей фирмы. У нас с ними есть общие дела. Зачем вам забивать этим голову? Вы у нас светило науки, авторитет, можно сказать – вывеска. Не обременяйтесь.

Александр задохнулся от оскорбления и... не нашёл слов. А вскоре его стали посылать в командировки: подписать договор, продлить контракт, заключить сделку. Первый раз шеф лично попросил его:

– Дорогой друг, нам нужно произвести благородное и серьёзное впечатление на потенциального партнёра. У вас известное в науке имя... Вам самому не придётся вникать в

деловые проблемы, с вами поедет наш коммерческий директор. Но руководитель – вы...

«Вывеска» – вспомнил Александр, криво усмехнувшись, и... поехал.

Потом поездки стали обыденным и даже частым делом, основной его работой. Его уже никто не сопровождал, всё сам. Он всё ещё числился заместителем директора фирмы, но только формально. И даже не знал, что концерн уже прошёл перерегистрацию. Конечно, никто его, Александра, не вспомнил, ни в какие учредители не включил. Когда он попытался поговорить об этом с шефом, то три весенних месяца просто не мог застать того в офисе: всё разъезжал в деловых поездках по заграницам, часто прихватывая и племянника. А на всё лето устроил себе отпуск – в крымском Новом свете, на Кипре, в Средиземноморском круизе. И только в конце августа, случайно, у входа в главный офис концерна, Александр наткнулся на шефа, выходящего из машины. Торопливо и обрадовано заговорил с ним, но тот, на ходу хлопав по плечу, оборвал фразой:

– Что вам неймётся! Работу имеете, хорошую зарплату получаете – и живите!

И, взбежав по ступенькам, обернулся с улыбкой:

– Дело житейское, дорогой друг. Выживает сильнейший – закон джунглей! Дело житейское...

Стеклянная дверь закачалась, растворяя в глубине громоздкий, но лёгкий в движениях силуэт, и остался Алек-

сандр на крыльце, словно оглушённый дубинкою. Нельзя сказать, что и до этого разговора не понимал, не чувствовал, что обошли его, обставили, обманули и, просто напросто, обворовали. Не то, чтобы имущество – да какое! – бывшее его частной собственностью, но и любимой работы, авторитета, самоуважения лишили. Да и зарплату давно инфляция свела к обыденной... Понимал, конечно, но не хотел верить до конца, до этих походя брошенных слов. И стоял, чувствуя, как кружится голова, темнеет в глазах, спазм сжимает горло.

Эта роковая встреча с шефом произошла перед самой его последней поездкой в командировку и трагическим возвращением. Там, в другом городе, партнёры вежливо, но непреклонно отказались обсуждать с ним дела:

– Будем говорить только с вашим президентом...

И Александр догадался: шеф с самого начала знал, что с ним тут не считаются. Значит, давал понять: он стал не нужен, как выжатый лимон.

С горькой улыбкой вспоминал Александр, как был горд, выиграв поединок с Борей Мазером! Каким чувствовал себя умным, уверенным, готовым к жизни в новых условиях, где побеждает сильнейший. Ему казалось: он из этих самых, сильнейших. А его, словно мелкую рыбёшку, съели даже не акулы, а щуки!..

Незаметно когда вновь заморосил дождь. Фонари стояли редко, тускло освещали мокро блестящий тротуар. Но за поворотом начинался широкий проспект, ведущий к вокзалу.

Сегодня он приехал, и сегодня же уедет. А Лидия... что ж, она должна искупить свою вину, помочь ему. А потом, попозже, он свяжется с ней...

Глава 4

«Всё тайное всегда становится явным» – капитан Ляшенко любил повторять этот афоризм. Собственно, считал его своим жизненным девизом. А был он отличным оперативником или, как говорил сам о себе, «крутым сыщиком». И вправду. Когда собранный им материал ложился на стол к следователю, тому оставалось сделать лишь однозначный вывод – настолько дотошно были собраны и сведены воедино улики, отработаны даже незначительные мелочи... Но вот что интересно: своё призвание Антон обнаружил не сразу. Поначалу пошёл по родовой тропе и был совершенно уверен – это его судьба.

Его дед – Антон Николаевич Ляшенко – за год до революции стал начальником городской пожарной охраны, брандмайором. Стремительная карьера для двадцатидвухлетнего выпускника Петербургских курсов пожарных техников. Правда, курсантом он был наилучшим, отличником. Да и в городской пожарной команде человек небезызвестный: сын погибшего на пожаре, Антон Ляшенко получал стипендию от команды, а все летние каникулы, возвращаясь домой, работал в боевом расчёте. И когда старый начальник решил уйти на покой, он порекомендовал городским властям молодого способного офицера. Впрочем, поработал Ляшенко недолго: революция, гражданская война, стремительная сме-

на властей – белая армия, красная армия, большевики, Деникин, Петлюра, Центральная Рада... Неразбериха. Такой же разброд творился, видимо, и в душе молодого офицера. С белой армией он бежал на Дон, но не пошёл дальше Батайска, остался, вернулся в город и привёл с собой угнанную пожарную технику... «Зачем нам, дружище, чужая земля!»... Антон, когда поют эту песню, всегда представляет деда... Специалистов не хватало, и уже советская власть вновь поставила Ляшенко начальником городской пожарной охраны. То, что случилось с ним потом, можно было предвидеть. В конце 29-го года он был арестован и судим «по делу промпартии». А через полгода после ареста родился его первый и единственный сын Николка.

Полученные по суду десять лет Антон Николаевич отсидел полностью. Возвратился в город к семье, к сыну, которого увидел впервые десятилетним, в сороковом году. Стал начальником пожарной команды одного из заводов. Когда осенью сорок первого предстала, как неизбежность, сдача города фашистам, к Ляшенко домой пришли руководители обкома партии. Ему предложили неожиданную вещь: остаться в оккупированном городе руководителем подполья. Он не напомнил собеседникам с горьким сарказмом о том, что обращаются они к «врагу народа» – не то было время и не та обстановка. Он прекрасно понял, что на том и строится расчёт: бывший царский офицер, репрессированный, обиженный Советской властью. И понял ещё, что и у тех, кто осуж-

дал его, не было веры в его вину...

Чтоб достоверность и доверие новой власти оказались полными, не уехали в эвакуацию, остались вместе с Ляшенко жена и одиннадцатилетний Коля. Получив звание штурмбанфюрера, свободно владеющий немецким, Антон Николаевич вновь стал начальником городской пожарной охраны. Немного успели сделать подпольщики, меньше года было отпущено им времени. Но всё же спасли целый военный госпиталь, сумев перепрятать по другим, гражданским больницам и по квартирам раненных красноармейцев. Десятки парней и девочек не были увезены в Германию с их помощью. Удалось несколько крупных диверсий – на заводах, складах, гаражах. В том числе и поджоги. Отличный специалист планировал эти поджоги так умело, что сам же не мог потом их потушить, хотя немецкому начальству упрекнуть его было не в чем – старался изо всех сил... Но спешная, не до конца продуманная организация подполья сказалась. Немецкий сыск с одной стороны, предательство и свои просчёты – с другой... Не сразу, но почти вся, под корень, организация была истреблена. Казнь руководителя, известного в городе человека, впечаталась в память и души людей. Фашисты искали семью Ляшенко, но жена его и сын уходили всё дальше от города, от деревни к деревне, и никто не выдал их...

Антон знал деда по фотографиям и находил, что похож на него. Недаром ему выпало повторить полностью дедовское имя.

Отец Антона, подполковник Николай Ляшенко, был начальником одной из городских пожарных частей. Сам выезжал на пожары, наравне с бойцами ходил в огонь, и погиб, работая со стволом на горящем чердаке жилого дома. Обвалились перекрытия... Это потом бойкий парнишка-журналист из «Вечёрки» ловко так ввернул: почудился вроде бы начальнику пожарной части плач детский, бросился он в огонь и погиб. И награждён посмертно орденом Красной Звезды. Получилось, что награда не просто за работу, а за геройский поступок или попытку поступка. Да и погиб, получается, не зря... Ерунда какая! Пожарные хорошо знают, что не бывает в их деле гибели не героической. Тот, кто не пойдёт просто в бушующее пламя, чтоб преградить ему дорогу, тот и ребёнка спасти не бросится. Всё связано.

Антон в тот год учился на третьем курсе пожарно-технического училища. В этот же год, в мае месяце, в училище поступила телеграмма: «Командируйте сроком пять суток курсантов и офицеров, добровольно изъявивших желание выполнять работы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС»...

Антон хорошо помнит маленький городок – тот самый. На улицах ни детей, ни женщин, только очень озабоченные мужчины в формах защитного цвета и марлевых респираторах. Это и понятно: Чернобыль, зона, радиация. Впрочем, радиацию свою он получил сполна. И всё в один день.

Поднятые по тревоге двенадцать бойцов – и Антон сре-

ди них, – мчались на машине на станцию В четвёртом часу утра уже светало. Проскочив узкую транспортную галерею, выводящую к третьему энергоблоку, машина стала. Горело что-то именно там, и им, прибывшим первыми, нужно было разведать – что? какова опасность? Антона позвал лейтенант Шаталов:

– Пойдём вдвоём, Антон, – сказал он.

Горели кабельные барабаны – огромные сгустки разноцветных кабелей. Огонь уходил в тоннели под реактор. Жутко было в пустом кабельном зале, где раздавалось только потрескивание и шипение огня. Но оба пожарных хорошо представляли, чем могут обернуться эти негромкие звуки. Взрывом ещё одного блока реактора. Они одновременно посмотрели на счётчик и переглянулись: вот это да! И сразу же – на часы. Уже одиннадцать минут находились они в этом зале.

– Всё, Тоша, быстро уходим, – сказал лейтенант. И пошутил вроде бы: – А то некому будет доложить разведанные.

Пошутил... Как потом днями и месяцами переносил он последствия этих считанных минут, Антон и вспоминать не хочет. Особенно долго подводила координация движений. Шёл, вроде бы, прямо в дверь, а наткнулся на стену. Может, всё обошлось бы не так тяжело, если б ограничил себя Антон теми одиннадцатью минутами. Но когда через полчаса, в предрассветной мгле прибыл к станции батальон, разбился на отделения и одному отделению не хватило бойца, Ляшен-

ко вызвался быть им. Просто он подумал, глядя на сосредоточенных ребят, неузнаваемых в одинаковых защитных костюмах и респираторах, что ведь все они уже тоже получили свою порцию радиации. А вот же, идут в тоннель, добровольно, отказников не оказалось.

Отделение за отделением уходило в шлюзовую дверь, за которой были огонь и радиация. У каждого из ребят по две скатки рукавов-шлангов: добежали до пожарного крана, рукав – к крану, соединили, второй рукав – к первому, и назад. Распахнули дверь, посторонились, пропуская следующее отделение, и – взгляд на часы. Облегчённо вздыхают: в свои пять минут уложились. Но каждая из следующих групп бежит глубже в тоннель, времени тратит больше. Вот последний рукав присоединён, пошла вода. Антон со своим отделением бегал уже без скаток, сбивать огонь. Но это было глубоко в тоннеле, в пять минут не уложились, семь прошло.

Антон и сейчас смутно помнит, как дали отбой: пожар потушен. Сильно болела голова, желудок, мутило. Вместе с ребятами доехал до Чернобыля, лёг под каким-то деревом и словно в бездну провалился. А когда очнулся, не сразу понял где он: вокруг вповалку лежат люди, как мёртвые – спят...

Именно после этих пяти дней Чернобыля и трёх месяцев госпиталя ему, совсем юному, было сказано докторами: дым, угарный газ, нехватка кислорода – противопоказаны. И координация движений окончательно восстановится лишь... когда-нибудь. То есть, выходило – пожарным ему не быть.

Руководство училища да и всего городского УВД помогло ему перевестись на второй курс юридического института. Через год учёбы Антон вдруг понял: вот его истинное дело! Чувство неожиданно открытого, как клад, собственного таланта было таким сильным, что молодому человеку страстно захотелось оперативной работы – прямо сейчас! Он перевёлся на заочное отделение, учился и занимался следственным розыском. И вот сейчас, этим летом, защитил диплом.

Глава 5

В деле о самоубийстве Александра Карамышева капитан возглавил оперативную группу. И уже сразу на месте происшествия что-то не понравилось ему, что-то показалось странным – в воздухе квартиры, во взгляде и голосе жены убитого. Он ощутил привычный прилив энергии, возбуждающий подъём и радостную уверенность: «Здесь есть, что копать!»

Но не тут-то было. От прокуратуры приехал следователь Сергачёв – вот уж невезение! Это был тот единственный человек, с которым капитан работать не любил.

Двадцатипятилетнему Антону Ляшенко сорокапятилетний следователь казался скучным типом, педантичным, равнодушным, из тех, кто старается поскорее закрыть дело и забыть о нём. Сергачёв вошёл в квартиру, аккуратно вытерев ноги о резиновый коврик, сняв в прихожей плащ и причесав у зеркала свои редеющие волосы. А потом он выразил соболезнование хозяйке и лишь после всего пошёл осматривать тело. Антон убитого уже видел и теперь присматривался к его жене.

Это она позвонила в отделение около четырёх часов утра. Женщина была красива и выглядела молодо, но Антон сразу определил, что ей не меньше тридцати пяти лет. В джинсах, сером глухом свитере, с подобранными в пучок волоса-

ми. Явно приготовилась к их приходу. Удивительного в этом ничего нет, и всё же... всё же... Слишком тщательна и причёска, и одежда. «Нет, – подумал Антон, – нет! Какая бы ни была собранная и сильная женщина, всё же потерянности, жути в глазах, что ли, не хватает? Хоть и бледна, но слишком выдержана...» Это его первое впечатление и стало первым толчком к сомнению.

Нужно было подтвердить самоубийство или опровергнуть его. То есть, найти факты. Делать это Антон умел отлично. И очень скоро ему стало ясно, что погибший и в самом деле был загнан обстоятельствами к краю пропасти. Бывший коллега Александра по научно-исследовательскому институту показал капитану иностранные журналы со статьями Карамышева и о Карамышеве.

– Какой талант пропал! Оказался не нужным! А ведь звали Сашу за границу, звали! Он отказался, верил, что своей стране может пригодиться...

Моложавый, подтянутый человек, доктор наук, стал протирать платком очки и быстро, украдкой промокнул глаза. Он уже рассказал Ляшенко, что сам, после закрытия института долго тыкался в разные места, и наконец вот уже год стоит за книжным лотком.

– А что? – сказал с горькой гордостью. – Книги продавать, это не сникерсы и жвачку. Пользуюсь популярностью, поскольку и на литературные, и на любые другие темы говорю с людьми. Ко мне идут. Мой лоток – своего рода клуб об-

щения. И хозяин доволен – выручка всегда хорошая. И место у меня приличное: всё-таки не улица, а большой магазин. Зимой тепло, летом прохладно, да и безопасно.

– Неловкости не испытываете, Игорь Петрович?

Учёный пожал плечами:

– Давно уже... Нам не оставили выбора, всех на рынок выгнали... Вон, Саша попробовал по-другому, и что получилось? Съели с потрохами!

Игорь Петрович и двое других близких друзей Александра, да и жена его, Лидия, рассказали капитану о его печальной эпопее – попытке достойно жить и работать в новых условиях жизни. Как хотелось Антону лично допросить президента концерна и его племянника – директора фирмы «Экология человечества»: посадить по другую сторону своего стола, посмотреть в глаза спокойным ледяным взглядом, сделать долгую паузу... У него это хорошо получалось! Но, увы! Оказалось, что буквально неделю назад отделом по финансовым преступлениям, по запросу из столицы, начато расследование деятельности концерна. Президент, его племянник, коммерческий директор и двое бухгалтеров исчезли, испарились. Их разыскиваю, но пока безуспешно. Офис и филиалы опечатаны, растерянные сотрудники – мелкие сошки, – дают интересные, но очень поверхностные показания. А глубина махинаций, судя по всему, была велика.

Слушая всё это, Антон с жалостливой болью вспоминал распростёртое на полу маленькой комнаты тело мужчины –

страшное, без лица... Ах, зачем же поспешил Александр Карамышев! Удержись он от всплеска отчаяния ещё пару дней, и, кто знает, может быть справедливость и восторжествовала бы?

Впрочем, капитан всё ещё не мог отделаться от своего первоначального ощущения: «что-то не так!» Хотя всё, как будто, подтверждалось. Билет и командировочное удостоверение нашлись в кармане плаща: Карамышев вернулся этой ночью, на два дня раньше срока. Антон выяснил, что там, куда погибший ездил, уже знали о неладах с концерном и не захотели с ним вести разговор. Карамышев причины не знал и, видимо, сильно оскорбился.

Но время, время!.. Карамышев был дома в первом часу ночи – капитан выяснил время прибытия поезда, отыскал таксиста и тот, кстати, тоже вспомнил, что пассажир был мрачен и явно сильно расстроен. Однако Лидия позвонила в милицию только около четырёх часов утра. Большой промежуток... По её словам, она крепко спала, не слышала, как муж вошёл в квартиру. А когда он разбудил её и выстрелил в себя, потеряла сознание. Но потом сразу стала звонить.

Что же делал погибший так долго, почти три часа? Готовился к смерти? Но тогда он должен был бы написать записку: оправдать себя перед женой и друзьями, обвинить обидчиков... Записки не было. Это объяснимо, если роковое решение возникло спонтанно и выполнено почти сразу. Вернулся, сбросил плащ, взял карабин, разбудил жену, сказал

пару слов, выстрелил... Но тогда, опять же, как объяснить разрыв во времени?

Это для Антона была вторая нестыковка фактов. Первая – внешний вид и собранность жены погибшего.

При опросе соседей всего лишь один вспомнил, что слышал выстрел. Негромкий, но какой-то резкий хлопок разбудил его. Он полежал, прислушиваясь, но звук больше не повторился, и, медленно возвращаясь в сон, человек подумал: «Опять пацаны петарды пускают... А, может, и стреляет кто...» Что правда, то правда: подобные звуки, ещё немыслимые лет пять-шесть назад, стали нынче людям привычны, любопытства не вызывают. Вот и этот свидетель, он даже на часы не взглянул. Сказал лишь: «Спал я уже крепко, наверное была глубокая ночь».

И всё же, обход соседей Карамышевых по подъезду, неторопливые разговоры с ними дали Антону одну зацепочку. Женщина, живущая этажом выше, сказала Антону, что у Лидии был «другой мужчина».

До неё все, с кем разговаривал капитан, говорили одно: Карамышевы чудесная, любящая друг друга пара. У них не было детей, это их обоих огорчало, но за много лет они уже смирились, привыкли, всю заботу и нежность переносили друг на друга. И вдруг... Симпатичная, молодящаяся женщина средних лет говорила смущённо:

– Знаете ли, я б ни за что об этом никому не сказала, если б не такая трагедия... Всё-таки это личное дело той семьи,

никто не должен вмешиваться. Но коль так получилось... Наверное, нужно говорить всё, что знаешь...

– Буду вам очень благодарен! Любая мелочь поможет выявлению истины.

Да, когда нужно, Антон умел быть таким проникновенным и убедительным!.. Соседка, оказывается, один раз видела «другого мужчину» в лифте, вечером. Тот вышел на третьем этаже и сразу повернул к квартире Карамышевых. Она бы, наверное, забыла о нём, да только наутро, рано, выгуливая пёсика в сквере, увидела, как этот же мужчина вышел из подъезда, оглянулся и помахал рукой. А ему из окна ответила Лида Карамышева. Женщина ещё порадовалась, что за кустами её не видно: неудобно как-то оказаться свидетелем подобной сцены. Но тогда она ещё себя урезонила: вдруг это друг или родственник Александра? Да только днём оказалась в магазине в одной очереди с Лидой, разговорились, и Карамышева пожаловалась, что муж в командировке, она одна скучает...

Новый факт настолько показался Антону интересным, что он тогда впервые подумал: «А вдруг не самоубийство, а убийство?»

Следователь Сергачёв отмахнулся от него, как от назойливого шмеля: с досадой, но и некоторой боязнью.

– Вечно ты суетишься, Антон! Знаю, знаю, сыщик ты от Бога, да только сейчас заносит тебя не туда!

– Почему, Николай Михайлович? – Ляшенко стоял перед

столом следователя, как молодой и рьяный бычок: коренастый, крутоплечий, с густой русой шевелюрой, обаятельной ямочкой на подбородке. Он не мог не нравиться, и прекрасно это сознавал. И убеждать умел. – Тогда становится ясным отсутствие записки. И растянутость времени объясняется: должна была произойти ссора, разборка, убийство, замечание следов, обдумывание версии...

– И кто же, по– твоему, убил?

– Тот, другой... Или жена... Причём, могла сделать это даже защищаясь...

– Ты фантазёр, – фыркнул Сергачёв. – Всё это вилами на воде писано. Где следы третьего?

– Да, следов нет.

– Ты, Антон, просто анекдот известный разыгрываешь: муж вернулся из командировки раньше времени, а жена с любовником...

– Анекдоты, знаете ли, из жизни берутся. Впрочем, в этот раз третьего могло и не быть. Но ведь в природе он существует! Значит, не всё гладко было в жизни Карамышевых. Могла произойти ссора.

– Ага, в таком случае убийца – жена? Антон, Антон, куда тебя понесло? Ведь версия самоубийства подтверждается, и очень убедительно.

Ляшенко пришлось согласиться, куда денешься:

– Да, Николай Михайлович, это верно. Подтверждается по всем статьям. И всё же, дайте я покопаюсь?

Сергачёв покачал головой насмешливо:

– Мальчишка ты ещё, азарту в тебе много... Через два дня нужно дать прокурору заключение. Вот эти два дня копайся, пожалуйста! Но и только.

Антон сам от себя не скрывал, что подозревает жену погибшего. В чём? Ну, скажем, так: в сокрытии каких-то фактов, которые могли бы по-иному высветить произошедшее.

У себя в кабинете капитан быстро перебрал бумаги: рапорта, отчеты – всё, что относилось к самоубийству. Ничего! Какая досада: всё, о чём говорила Лидия Карамышева, подтверждалось другими людьми – друзьями покойного, бывшими сослуживцами, соседями. Всё... нет! Кроме одного: личность погибшего официально опознавала только жена.

Конечно, двое понятых из соседей – муж и жена, – тоже видели тело. И ни один не воскликнул: «Нет, это не он!» Но и смотрели они мельком, женщине даже плохо стало, муж её сразу вывел.

Антон поморщился недовольно: чего там, понимает, что за уши тянет. Вот если бы Карамышева и в самом деле оказалась бы под подозрением, тогда да! – нужно было официально опознать тело ещё кому-то. Даже если личность погибшего несомненна. Но виновность женщины существует лишь в его интуитивном воображении. И даже единственная родственница Карамышева, его тётя, отказалась ехать на опознание. Антон сам разыскал её здесь, в городе, всё рассказал, опросил, а когда пригласил поехать с ним, пожилая

женщина удивилась:

– Вы же говорите, он у Лиды на глазах застрелился... За-чем же? Нет, на похороны поеду обязательно! Бедный Са-шенька... А так – нет, не хочу!

Вспомнив о тёте, Ляшенко вдруг припомнил и ещё кое-что. Родственница назвала одну деталь – особую примету племянника. Другие ничего подобного не вспоминали, хотя капитан, как положено, спрашивал. А вот тётя рассказала... Вот, кстати, её показания: «... тёмный ноготь на большом пальце левой ноги». Причину она точно не знала. Одно вре-мя, давно, племянник прихрамывал, говорил, что палец на ноге болит. А полгода назад он навещал её, она и вспомнила, спросила. Александр рассмеялся, сказал, что давно забыл о том хромоте, вот только ноготь на большом пальце потем-нел, теперь всё время такой будет...

– Есть идея! – Антон быстро собрал и запер бумаги в сейф. – Проверим...

Капитан Ляшенко ехал в центральный городской морг, где в специальном отсеке лежали жертвы криминальных си-туаций, ожидая официального разрешения на захоронения. Карамышева похоронят послезавтра. В заключении судмед-экспорта и патологоанатома ничего о тёмном ногте сказа-но не было. Но Антон старался сдерживать своё возбужде-ние. Он понимал, что труп самоубийцы вряд ли тщательно осматривали. Определили причину смерти, да и всё. А что ещё? Зачем, коль человек известен? Неопознанных жмури-

ков столько, что продохнуть некогда! Вот их-то описывают и в самом деле до каждого ногтя: по таким описаниям, бывает, и через три года родственники находят пропавшего без вести.

Предъявив на входе своё удостоверение, Антон прошёл по длинному, тускло освещённому коридору, отворил дверь в прозекторскую. Осторожно отворил – не любил заставать здешних специалистов за работой. Но, к его счастью, один стол был пуст и чисто обмыт, тело на втором накрыто простынёй. Ассистент Толик мыл в раковине инструменты. Обернувшись, он улыбнулся, махнул рукой в мокрой резиновой перчатке.

– Привет. А Вадим Николаевич будет через полчаса.

– Ты-то свободен?

– Как птичка! И всегда к услугам!

– Вот и хорошо. – Антону нравился парнишка с всегда приветливым выражением лица, и это на такой работе! – Дай мне взглянуть ещё раз на самоубийцу Карамышева.

Они прошли другим коридором в холодильник. Толик провёл капитана к одному отсеку, сверился с надписью над ручкой, кивнул и потянул ручку на себя. Городской морг был оборудован по-современному: легко и бесшумно выкатился металлический стол.

– Всего смотрим?

– Приоткрой голову, – попросил Антон.

Толик усмехнулся:

– Ошибочки быть не может! – И откинул полотно болотного цвета.

Антон знал, что лица не будет, но всё же вздрогнул и махнул рукой:

– Давай ноги...

Вот перед ним лежал мужчина: мёртвый и не вызывающий симпатии. Поскольку нет более жалкого существа, чем муж, убитый собственной женой! Кем надо быть, чтоб позволить себя так унижить!

Антон непроизвольно покачал головой. Он был холост и доволен этим. Уж слишком много отвратительного насмотрелся он на своей работе. И хотя понимал, что видит лишь одну сторону жизни – задворки, – всё же, всё же...

В это время лаборант полностью выкатил стол из ячейки. Капитан прошёл в ноги и отбросил покрывало. Не без волнения отбросил: вот сейчас что-то произойдёт... И поначалу ему показалось – да, произошло! Но уже через мгновение он увидел черноту на мраморно-сероватом большом пальце. Тёмный ноготь. Он был не чёрным, но всё-таки заметно темнее других. Руки Антона потянулись потрогать, но, ещё не прикоснувшись и ощутив могильный холод, одёрнулись. Зачем? И так видно.

Лаборант заметил разочарование на лице капитана, спросил:

– Что-то не так?

– Наоборот, – ответил Ляшенко, оставив парня в недоуме-

нии. – Задвигай и пошли.

Он не стал говорить лаборанту о неполном описании тела, это он скажет врачу... потом, при случае. Ждать патологоанатома ему не хотелось, хотелось вернуться к себе, подумать. О чём? Нужно подводить итоги и сдавать розыскные материалы Сергачёву.

И всё же Антон не упрекал себя. Да, нелепо было надеяться, что тёмного ногтя не окажется. Что он себе нафантазировал? Как мальчишка! Но вот то, что в этом деле есть тайна, упрямо будоражило молодого сыщика. Его интуиция никогда не подводила. Просто он до чего-то не докопался, проглядел. Что ещё осталось неохваченным? Только баллисты. Они должны сегодня дать результаты своей экспертизы. Но какие там могут быть неожиданности? И оружие, и патрон, и то, что убитый вполне мог сам в себя выстрелить – всё это определилось ещё там, на месте трагедии, в то раннее утро.

Телефон в кабинете у капитана зазвенел сразу, словно ждал, когда он войдёт.

– Это вы, капитан? – говорил лейтенант из его розыскной группы. – Вам звонили из баллистической экспертизы, просят срочно зайти. Похоже, у них есть новости, неожиданные...

Сердце у Антона рванулось, трубка легла на рычаг, словно припечатанная. Вот оно – всё тайное всегда становится явным! Теперь он нисколько не сомневался: там, у баллистов, подтверждение его догадок, разгадка тайны!

Глава 6

Сергачёв вёл допрос Лидии Карамышевой спокойно, корректно и очень толково. Антон сидел тут же, чуть в стороне, и не мог не отдавать должное следователю. Конечно, тот зануда и любит дела простые, ясные, не требующие усилий. Но если приходится, показывает высокий класс. Чего стоит хотя бы его первая фраза, от которой, как хорошо знал оперативник, зависело многое.

– Ваш муж не убивал себя!

Лидия уже не впервые приходила в этот кабинет – дважды давала показания как свидетель. И когда вновь получила повестку, подумала: «Господи, пусть это будет в последний раз!.. А, может, так и есть? Следствие заканчивается...» Очень хотелось верить. Она не знала, что Сергачёв сказал капитану Ляшенко:

– Можно, конечно, отправить людей с ордером, арестовать её, обыск сделать, привезти сюда и допросить. Но пусть лучше придёт сама, ни о чём не догадываясь. Так может интересный разговор получиться.

И он оказался прав. Первая же фраза сразила женщину. Не впервые Антон наблюдал, как теряются люди – бледнеют, краснеют. Но чтоб вот так, внезапно, отхлынула кровь, превратив лицо в мёртвую серую маску, а молодую женщину – в призрак... Нет, такого он не видал! Карамышева качнулась и

медленно стала клониться набок. Капитан рванулся, подхватил её. Она была в сознании, только глядела глазами, полными страха. Антону на мгновение даже захотелось крикнуть Сергачёву: «Стой, нельзя так!» Но следователь уже продолжал, так же спокойно и веско:

– Нет, не он сам себя, а вы его убили...

И Антон спохватился: конечно же, так и надо – ковать, пока горячо. Что с ней сделается? Мужика убить сумела, не померла от страха. И теперь не умрёт!

А Карамышева и в самом деле быстро пришла в себя. Капитану даже показалось, что странная искорка оживления осветила потухшие глаза, приглушила страх. Бледность не ушла, но перестала быть мертвенной. И с тяжёлым вздохом пробились её первые хрипловатые слова:

– Почему вы так говорите?

– Ну что ж, – следователь легонько пожал плечами, голос его смягчился. – Не буду разыгрывать Шерлока Холмса. Всё очень просто: при экспертизе наши криминалисты установили – выстрел, который убил вашего мужа, не мог быть сделан им самим.

– Не понимаю...

– Нет, Лидия Андреевна, вы понимаете! – Теперь Сергачёв совсем расслабился, откинулся на спинку стула, усмехнулся. – Понимаете, поскольку отлично знаете, как всё происходило. А вот как мы об этом узнали, да, тут для вас загадка. Но я охотно разьясню.

Тут он вновь подался вперёд, к ней, и Антон с восхищением наблюдал, как голос следователя зазвучал проникновенно, сочувственно, как вспыхнул на щеках Карамышевой горячий румянец, а в глазах блеснули слёзы.

– Вы, голубушка, женщина интеллигентная, никогда ни в чём криминальном замешаны не были и не намеревались. Думаю, что происшедшее – неожиданность и трагедия в первую очередь для вас. Я расскажу вам всё, как есть, и, думаю, для вас сделать то же – будет самым лучшим.

И он, как и обещал, очень просто и доступно – за три минуты, – объяснил женщине: баллисты выяснили, что погибший должен был стрелять левой рукой – лишь при таком условии он мог сделать выстрел, убивший его. Однако, во-первых, Карамышев не был левшой. А во-вторых – и это особенно важно, – на оружии чёткие отпечатки пальцев его правой руки. И на курке, и на прикладе. Отпечатков левой руки вообще не существует, хотя должен же он был поддерживать карабин второй рукой. Но нет – только пальцы правой руки!

– А что сие означает, дорогая Лидия Андреевна, это ясно и школьнику – они нынче детективы читают пачками. Убив мужа, вы тщательно протёрли оружие, а потом приложили в нескольких местах его пальцы. Вы знали, что он – не левша. А вот тонкостей нашей экспертной работы вы знать не могли.

Сергачёв повернулся к Антону и сказал, словно отвечая на заданный вопрос:

– Вот тебе и объяснение разрыва во времени: пока всё

проделала да обдумала свои действия и показания, да попереживала и поплакала... Так ведь, Лидия Андреевна? Переживали, плакали?

Женщина подняла на него тоскливые, замученные глаза.

– Да, – сказала тихо. – Плакала. И не хотела...

Антон встал с продавленного дивана у стены, шагнул к столу и наклонился над женщиной.

– Вам лучше ничего не скрывать, это правда. То, что произошло – трагедия, верно ведь? И кажется мне, там мог быть третий человек... Если он был и вы назовёте, укажите его... Это увеличивает ваши шансы на оправдание. Может быть, стреляли вовсе не вы?

И вновь с женщиной произошла метаморфоза. Потухшие, тоскливые её глаза загорелись чувством. Антон готов был поклясться, что это – сильный испуг. Она заговорила быстро, лихорадочно:

– Нет! О чём вы? Я сама, мы двое... Я сама убила его! Да, это я! Так получилось, так получилось!..

И зарыдала, запрокинув голову, отчаянно закрыв лицо ладонями. Больше она ничего не хотела да и не могла говорить. Отпив её водой, дав подписать протокол и показав постановление об аресте, следователь вызвал конвоира. Капитан кивнул Сергачёву: «Я провожу».

В машине Лидия сидела под зарешётчатым окном безмолвно, безучастно. Ехать было недалеко, минут десять. Ляшенко смотрел на бледную женщину почти с восхищением.

Бог мой, она ведь берёт всё на себя, выгораживая любовника! Её реакция выдавала – третий был и стрелял наверняка он! Но женщина готова идти в тюрьму, чтобы спасти мужчину!

Антон невольно покачал головой: второй случай за короткое время. Недавно он успешно расследовал ещё одно убийство, но там было потруднее: уйму людей пришлось опросить и перебрать, прежде чем выйти на убийцу. Тоже женщину.

Капитан вспомнил, как приехал на задворки уже не работающего железнодорожного депо и там, среди проржавевших вагонов увидел труп. Быстро выяснилось, что это известный в городе человек – самый популярный певец театра музыкальной комедии, чудесный тенор, игравший на сцене героев-любовников. Ту же роль играл он и в жизни. В квартире убитого капитан нашёл записную книжку, где совершенно откровенно было написано: «Девочки, с которыми я переспал». Подробный список имён и фамилий поражал воображение. Значились там, кстати, и почти все студентки, у которых он преподавал – на актёрском факультете местного института культуры. Пришлось капитану и его бригаде опрашивать всех! Та ещё работёнка!.. Но именно таким образом и вышел он на юную студентку, бросившую учёбу в разгар сессии и уехавшую в свой далёкий город Нарьян-Мар. Её имени в списке убитого не было, однако и с этой девушкой он встречался – их видели вместе.

Почувяв близость открытия, Антон поехал в командировку

к далёкому Баренцеву морю. Там и нашёл он эту девчушку – юную, скромную, очень хорошенькую, с чуть заметной примесью ненецкой крови. И скоро выяснил, хотя это и скрывалось, что девочка лечится от сифилиса у частного специалиста. К этому времени Антон уже испытывал стойкую неприязнь к покойному, теперь же он его просто возненавидел. Но дело есть дело. И капитан сумел добиться признания у матери бывшей студентки. Миниатюрная, моложавая женщина, полукровка с раскосыми глазами и решительным характером, не слишком и запиралась. Она воспитывала дочь одна, без мужа, и готова была защищать своего ребёнка. Да, узнав, что мерзавец-преподаватель совратил её наивную доверчивую девочку и заразил гадкой болезнью, мать поехала в их город и наказала обидчика. Готова отвечать, а на суде призовет всех родителей поступать так же!..

Но капитан Ляшенко не был удовлетворён. Актёра убили очень профессионально: выстрел в сердце и контрольный выстрел в голову. И как бы женщина не говорила, что купить пистолет в их портовом городе ей было легко и что потом она оружие выбросила, Антон ей не поверил. Поработав ещё немного, нашёл там же, в Нарьян-Маре, и исполнителя: недавно вышедшего в отставку милиционера, работающего теперь в охранной фирме, отличного стрелка, не раз бравшего призы в соревнованиях. И, кстати, – крёстного отца больной девушки. Он уезжал из города как раз в тех же числах, что и мать девушки, совпадающих с временем убийства...

Но человека этого капитан так и не смог арестовать: женщина непреклонно отрицала его участие и всё брала на себя...

Вот тогда, расследуя то дело, капитан впервые испытал чувство, противоположное его обычному отношению к женщинам. Да, она преступница, но какая жертвенность ради ребёнка, ради мужчины! Уважение и даже в чём-то восхищение – вот что почувствовал Антон. И теперь, в этом новом деле, эта женщина – Лидия Карамышева, – вновь берёт всю вину на себя, лишь бы спасти какого-то мужчину. А ведь он был, этот третий, этот мужчина – Антон почти не сомневается: реакция Лидии так красноречива! Бог мой, что за существа эти женщины! Любить их или ненавидеть? Восхищаться или презирать?..

Оформив все бумаги, Антон проводил новую заключённую до самой камеры. У массивной двери с врезным окошком остановились, и он, выразительно кивнув, попросил конвоира:

– На пару слов.

Тот молча отошёл в сторону. Капитан посмотрел на Карамышеву. Женщина стояла отрешённо, с пустым взглядом. Да, такой неожиданный арест – всегда шок.

– Лидия Андреевна!

Антон легонько тряхнул её за руку. Словно приходя в себя, она подняла на него глаза. Молодой человек смотрел участливо, по-доброму – она подумала об этом удивлённо, но как бы со стороны.

– Лидия Андреевна, убедите своего адвоката в том, что вы пытались остановить своего мужа. Он хотел выстрелить в себя, а вы вырвали у него карабин и случайно нажали на курок. Борьба, резкое движение и... случайность. Вы слышите меня? Понимаете?

Она смотрела молча, и Антон, наклонившись, настойчиво повторил:

– Стойте твёрдо на этом! Пытаясь предотвратить самоубийство, вы совершили неумышленное убийство. Это ваш шанс, ваш минимальный срок!

Он резко отвернулся от неё, приоткрыл окошко в двери. Там, в камере, сидели и лежали на нарах пять женщин. Две помоложе, три постарше. На некоторое время именно они станут постоянной компанией для Карамышевой.

Идя обратно по гулкому коридору и слыша за собой лязг запираемых решётчатых перегородок, Антон думал: «Зайду в дежурку, расспрошу, что за люди в девятой камере. А то ведь есть такие... оторвы, стервы... Если что, переведу её в другую. Пусть хоть до суда посидит, как человек. А уж там – как повезёт...»

Нет, не ожидал он, что так жаль будет ему эту женщину – до сердечной боли...

Глава 7

Ночью Лидии снился хороший сон. Впрочем, кошмары ей не снились никогда. Наверное потому, что жизнь её нынешняя и была главным кошмаром. Куда же ещё?.. И, ложась спать, она словно проваливалась в яму бездонную, беспросветную, убивающую чувства, ощущения – всё, кроме давящей сердечной боли. Летела, летела вниз, пока сердце не выдерживало нарастающей скорости ударов. И, казалось, перед последним, обрывающим жизнь толчком, женщина просыпалась. Таковы были её ночи. И если приходил сон, он всегда был прекрасен, даже когда она плакала, как в этот раз.

Во сне Лидия стояла на высоком, поросшем густой травой холме. Стояла и беспомощно смотрела на Алика. А он, с перекошенным болью и злостью лицом говорил и говорил. Она пыталась что-то сказать в своё оправдание, но не могла – он уже почти кричал. Обвинял её – обидно, оскорбительно, несправедливо. Но вот махнул рукой отвернулся и побежал вниз, туда, где далеко и расплывчато виднелся город. Ей стало тоскливо и страшно, и, в то же время, захлёстывала такая нежность и любовь к нему! Она стала звать его: «Алик! Алик!» Но он не оглядывался, убежал всё дальше и дальше. А рядом с ней появился другой человек, тот – Саша. Или он и был всё время рядом? Он держал её за руку, ласково утешал и тихо тянул, выводил куда-то прочь. Она плакала и всё огля-

дывалась Алику вслед, но, обессиленная от рыданий, поддавалась, шла за тем, другим. Вот он подхватил её на руки, занёс в дверь какого-то дома, положил на кровать, стал целовать и говорить о своей любви. А она, отвернув лицо к стене, всё плакала, с тоскою думая только о нём, об Алике, который ушёл, не оглянувшись, которого она так любит и который так несправедливо обидел её...

Лидия проснулась и увидела, что здесь, в реальности, она тоже плачет. И сердце так же болело, и тоска сковывала дыхание – и всё-таки это было прекрасно, и ей хотелось, чтоб эти чувства не уходили, оставались с ней. И чтоб сон не расплывался, не ускользал, как утренний туман, а оставался в памяти каждой деталью. Он был, конечно, весь из символов, но так же точен и правдив, как и её жизнь – любовь только к нему, единственному, Алику, его несправедливость и обидное непонимание, толкнувшее её однажды к другому мужчине...

Как же, как произошло всё то, что произошло? Как началось, длилось, можно ли было остановить, исправить? Теперь у неё хватало времени обо всём этом думать вновь и вновь. Семь лет заключения – вот её срок. Адвокат не сумел убедить суд в том, что происшедшее – несчастный случай: жена, пытаясь предотвратить самоубийство, случайно нажала на курок, да так умело, что разнесла мужу голову! Но всё-таки сомнения у судей зародились, потому и осуждена Лидия была почти по минимуму, за непредумышленное убий-

СТВО.

После суда прошло полтора месяца. Этап был недолгим – в сторону Рязани. Но уже тогда, в «стольпинском» вагоне, когда мимо их женского, взятого в решётку купе, повели утром в туалет мужчин, а её сокамерницы облепили прутья и с кокетливыми гримасами и задираньем юбок стали выкрикивать жуткую похабщину, и когда чуть позже повели «оправляться» женщин и конвоир, здоровенный мужик, с равнодушно-мерзкой ухмылкой подставил ногу, не дав ей до конца закрыть дверь кабинки, уже тогда Лидия отчётливо поняла, что ни семи лет, ни даже года она здесь не проживёт. Умрёт. Но знала она и другое: Алик не позволит этому произойти. Они ведь не предполагали, что всё обернётся так нелепо. Её обвинять в убийстве того, кто жив и здоров! Она сама не может никому рассказать об этом – не может второй раз предать своего мужа. Но ведь и он, узнав о случившемся, не станет молчать и скрываться – он не такой и он любит её. Просто он ещё не знает...

Да, у неё было время о многом подумать, потому что большей частью здесь она молчала. Разные окружали её женщины: и отвратительные, потерявшие человеческий облик, и нагло-нахрапистые, и тупоумные, и хитрые, и тихие, забытые мышки. Были и обычные, такие, какие встречаются в обыденной жизни, но совсем мало. И в камере, и в бригаде царил порядок авторитетов, но Лидию не трогали. С самого её появления слух уже шёл: хладнокровная убийца из интелли-

гентов! Подстроила мужу ловушку и расчётливо снесла ему голову из ружья! Нет, отрубила ему башку напрочь особым кинжалом – у них дома целая коллекция оружия была. Хотела отправить голову в посылке его любовнице, да не успела... С такой психопаткой лучше не связываться. Вон, у неё взгляд ненормальный: смотрит сквозь тебя, как сквозь стекло, в упор не видит! А если спросишь о чём-то – вскинет ресницы, а зрачки ну точно дикие! «Да» скажет, или «нет». И – молчит. На прогулке или в камере сядет в углу и книжку читает. «Идиота» какого-то. Видно, тоже про психопата.

... Так что, её не задевали, сторонились. Будет ли так всё время? Она сомневалась, видя, как порой стремительно меняются отношения в здешнем мирке, какие идут перетасовки, на какой тонкой, порой взрывоопасной нити сохраняется видимое равновесие. Но пока Лидия радовалась окружающему её отчуждению, пользовалась им, чтобы всё понять в своей прошлой жизни. И часто, просыпаясь по ночам или в мутных сумерках, слыша мерзкую возню на чьих-то нарах, или днём, в мастерских, механически кроя пневматическими ножницами брезентовые штаны и куртки, она думала о своём. Вспоминала.

* * *

С Аликом они познакомились на новогоднем вечере в заводском клубе. Тогда, двенадцать лет назад, ещё не прошла

мода устраивать праздничные «Огоньки» наподобие популярной телепередачи. В одном билете указывалось два места за столиком – можно было пригласить кого-нибудь. Лида пригласила подругу Эльку, потому что ни с кем на тот момент не встречалась. Ухажеры конечно у неё были, но – так, не стоящие внимания.

– Здорово! – сказала Эля, войдя в зал с огромной, невероятно красивой люстрой под высоченным потолком, с гигантской разукрашенной ёлкой и множеством столиков вокруг. Она была здесь впервые, поскольку работала не на заводе, а в научно-исследовательском институте. Лида же, после окончания института, получила направление в заводское конструкторское бюро. Завод был стратегического назначения, богатый, престижный, и клуб имел соответствующий. Со сцены негромко наигрывали музыканты, зал наполнялся, все рассаживались за столиками. Сначала провожали старый год, смотрели небольшой весёлый концерт, зажигали ёлку, встречая год новый, пили, закусывали, танцевали. Часа в два ночи распахнули до сих пор наглухо закрытые двери клуба, шумной молодой толпой вырвались на улицу, под медленно кружащие хлопья снега, бросались снежками и вновь забежали в тёплый весёлый зал, где не умолкала музыка. Двери уже не закрывались, никто не проверял, свои ли входят, чужие ли – какая разница! К Лиде, сквозь толпу танцующих, пробилась Эля, глаза у неё возбуждённо горели. Наскоро бросив Лидиному партнёру: «Пардон!» – она потащила подругу

в сторону.

– Ой, Лида, здесь Карамышев, тот самый!

Полгода Элька донимала Лиду этим Карамышевым, начальником отдела в институте, где работала. Был он у неё и симпатяга, и умница, и остряк. Эля считала, что влюблена в него, но с сожалением признавала, что тот её почти не замечает. И вот теперь показывала Лиде на двух парней, нерешительно стоящих у края танцующего круга. Они были явно здесь случайными, в тёплых куртках с откинутыми капюшонами, запорошенные снегом. Видно, только-только зашли с улицы, привлечённые музыкой.

– Который? – спросила Лида.

– Да ты что! Не толстяк же!

Эля даже возмутилась. И вправду, один был невысок и полноват. Зато второй – да, хорош! Лёгкого, спортивного сложения, густые тёмные волосы, твёрдые губы, чёткий подбородок, весёлые глаза, иронично приподнятые брови.

– Что мне делать, что делать? – твердила над ухом Элька.

– Пригласи его танцевать.

– Да ты что! Боюсь!.. Лида, пригласи ты! – Элька уцепилась за её руку. – Пригласи и подведи ко мне. А там уж я соберусь с силами...

– Ладно, – Лида пожала плечами. – Я пошла. Жди.

– Александр?

Выражение его лица изменилось мгновенно: удивлённая улыбка сменила скользящую иронию. Прямо перед ним сто-

яла девушка – гибкая, в розовом воздушном платье, туфельки на тонких каблочках, с распущенными светлыми волосами, а слегка приподнятые на висках пряди и серые глаза под тёмными бровями делали её лицо особенно нежным, нездешним, из прошлого века... Он мгновенно увидел её всю, задохнулся. Только и проговорил:

– Вы меня?

– Да! Вы танцуете? Можно пригласить?

Бодрый толстячок сориентировался быстрее. Он стянул с Александра куртку, подтолкнул к девушке.

Они танцевали медленный танец и парень всё время спрашивал:

– Откуда вы меня знаете? Мы встречались?

А Лида загадочно качала головой и тоже спрашивала:

– Что это у вас за значок?

Забавного серебристого кенгурёнка Александр привёз недавно из Австралии – ездил туда на симпозиум. Но вдруг испугался: девушка подумает, что он хвостун! И сказал зачет-то:

– Друг подарил, был в Австралии и подарил... Моё имя вы знаете, а я ваше нет...

Она остановилась, хотя музыка ещё играла.

– Меня зовут Лида, а вот это – Эля!

Через минуту они все трое смеялись, а к ним сквозь танцующих пробивался налегке и приятель Александра, успешный сдать куртки в раздевалку. Оказалось, Александр и

Пётр встречали Новый год в своей компании, совсем рядом. Вышли прогуляться, услышали музыку, зашли... Через час они ушли вчетвером. Эля шепнула Лиде:

– Проводим сначала тебя, ты удержи толстяка, а я уведу Карамышева.

Что ж, Лида понимала: у подруги приоритет! Шли, бросались снежками, катились по раскатанным ледяным дорожкам, а над ярко освещённым проспектом медленно кружились крупные снежинки. Чем ближе подходили к Лидиному общежитию, тем звонче взрывался её смех, и тем тоскливее становилось у неё на сердце. У входа, на крыльце, она честно взяла Петра под руку, сказала весело:

– Вы, Александр, наверное, проводите Элю?

Но тот лишь легонько усмехнулся, ответил, словно давно решил:

– Наоборот, Петя составит компанию Элечке, он надёжный защитник. А мы с вами, Лида, пойдём поздравим с Новым годом вашу дежурную. Какого она возраста? Старушка?

– Да... Не совсем...

Девушка растерялась. Но Александр уже оторвал от неё Петра, махнул рукой на прощание и решительно открыл входную дверь...

Следующий день был ещё праздничный, не рабочий. Элька примчалась к Лиде часа в два.

– Что, подружка-разлучница! Не стыдно?

– Эля, ты же видела, как получилось!

Лида заваривала на общей, но совсем пустой кухне чай, делала бутерброды. Она ещё не уловила, какое у Эльки настроение. А та допытывалась:

– Что же вы делали?

– Представляешь, Алик так очаровал нашу Степановну, что та разрешила нам посидеть в своей комнате и даже баночку кофе растворимого нам открыла!

– Вот как, значит уже и «Алик»!

– Но Эля! Ты ведь сама говорила мне, что он не обращает на тебя внимание!

– Ладно, Лидка, не мучайся! Знаю я, что наш молодой учёный не про меня. А вот ты... А знаешь, Петя, мой толстячок, очень даже ничего... Забавный, шустрый!

– Оставайся, Эля, Алик сейчас придёт, попьём чайку.

– Да нет уж, побегу своего кавалера встречать! А ты, Лидуся, если что у вас и вправду получится, помни: это я вас свела!..

Глава 8

Эля была единственным другом, который поддерживал её. Даже родные... Впрочем, у отца, давным-давно ушедшего из семьи, другая жизнь, дети. Он и раньше-то о Лиде не вспоминал. Мать тоже вышла замуж, когда девушка заканчивала десятый класс. Промучившись с отчимом в одном доме все студенческие годы, Лидия была рада уехать из родного Донецка сюда, в научный городок большого промышленного центра, по назначению. А мать родила ребёнка, ей тоже стало не до взрослой дочери. Только Эля добивалась с ней свидания ещё до суда, говорила, что верит ей, что это, конечно же, несчастный случай, не могла Лидия убить Александра.

– Сам себя – да, это он мог, – восклицала Эля. – Он всегда был такой непредсказуемый. Вот, хотя бы, как в тебя влюбился, стремительно!..

Была подруга и на суде, писала ей сюда, в лагерь. Всё повторяла: «Я знаю, как ты любила его, как он тебя любил...»

Да, он любил её, это замечали все. Такими глазами смотрел – преданными, восхищёнными, при первой возможности брал за руку. Не раз говорили ей: «Ох, Лидка, повезло тебе! Ты из своего мужу, небось, верёвки вьёшь?» И мало-знакомые, и хорошие приятели были убеждены, что в семье правит Лидия, а Александр с радостью подчиняется. Лишь сама она да пара близких друзей знали: Карамышев податлив

и мягко лишь тогда, когда желание и интересы окружающих совпадают с его собственными. А если нет – он поступит по-своему. Всегда.

Лидия помнила свою первую беременность. Алик так был рад будущему ребёнку, так нежен с ней ещё и потому, что с первых же недель Лидия постоянно себя плохо чувствовала. Нет, внешне она не изменилась – никакие пигментационные пятна не портили её лица. Не было и отдышки. Только не прекращающиеся, сильные, изматывающие токсикозы. А в тот день – особенно. Придя с работы, сразу легла, прислушиваясь к хлопанью подъездной двери и шагам на лестничной клетке. Он вернулся рано, но не успела Лида обрадоваться, как сообщил, что сейчас уйдёт: договорились собраться у Игоря, обмозговать одну идейку – может, перспективной окажется. Лида не стала бы капризничать, будь дело и в самом деле важным. А тут просто ребятам хотелось пообщаться. Она попросила:

– Алик, не уходи, я боюсь. Что-то мне нехорошо.

Но он, продолжая энергично собираться, на ходу поцеловал её в волосы:

– Да что ты, не раскисай! Я вот тебе супчик разогрел, сосиски в холодильнике, чайку попей. А я там, с ребятами перехвачу.

Когда же вернулся среди ночи, она, измученная тошнотой, не спала. Но стоило лишь попробовать робко упрекнуть его, как услышала в ответ жёсткое:

– А что случилось? Не умерла ведь! Обычное дело при беременности.

Но Лидия так и не родила – ни в тот раз, ни в следующий. Дважды тяжёлые – и физически, и морально, – срывы на шестом месяце. Третью беременность, с первого месяца, Лидия почти всю пролежала в больнице – на всё была готова, чтоб сберечь ребёнка. И дотянула до семи месяцев. Когда начались схватки, врачи успокаивали её: «Ребёнок уже жизнеспособен». И он родился живым! Но уже через час её крохотный мальчишечка умер – ничего не помогло. И тогда прозвучал тот окончательный приговор: у неё и Александра непреодолимая, редкая несовместимость крови. У них никогда не родится живой ребёнок. А вот если они разойдутся, и потом каждый заведёт другую семью – дети будут, пожалуйста, сколько угодно!

Долгое время после этого Лидия жила, словно в бреду. То плакала и просила оставить её. То умоляла не бросать. То днями ходила как сомнамбула, с пустыми глазами, не разжимая губ... Только когда боль понемногу рассосалась и депрессия отпустила, она поняла, какой сильный и терпеливый друг был рядом с ней. Утешал, ухаживал, водил на прогулки и в кино, вечерами читал вслух что-то забавное из газет и журналов.

Да, терпения Александру было не занимать, Лидия хорошо это знала. В первые шесть лет они много ездили по стране: на Соловецкие острова и в Кижы, по северным рекам

Двине и Онеге, по горному Крыму. Всё больше пешком, с рюкзаками. Лида рюкзак носить не любила, и Алик безропотно всё брал на себя, лишь иногда, по необходимости, давая ей маленький нетяжёлый рюкзачок. Часто Лида быстро уставала, начинала сердиться паниковать:

– Мы, наверное, заблудились! До ночи не выберемся! Я здесь околею!

– Иди за мной, – спокойно говорил Алик, – скоро выйдем к деревне.

– Куда же ты, по оврагу? Здесь круто, я не поднимусь!

– Ничего, потихоньку, другого пути нет.

– Наверняка есть! Ты просто хочешь меня загонять! А я пойду в обход.

Она разворачивалась и шла в другую сторону. Он, не споря, шёл за ней, терпеливо ожидая, когда Лидия успокоится, остынет, когда лёгкий ветерок обдует её разгорячённое лицо и высушит слёзы непонятной обиды. Тогда она обязательно остановится, скажет:

– Ну ладно, веди, как знаешь.

И уже безропотно пойдёт за ним.

Так что правы были подруги, говорившие:

– Повезло тебе, Лидуська, муж у тебя такой спокойный, терпеливый.

Лишь она одна знала, что и его терпению бывает предел. И не потому, что сама испытывала терпение Алика. Капризы, подобные походным, случались у неё редко. Господи, сколь-

ко вокруг женщин, гораздо более требовательных, вздорных, нетерпимых! Она же любила и понимала своего мужа. Потому так страшно и неожиданно поражали её взрывы его гнева. Иногда совершенно обыденное слово или лёгкое, необидное замечание – и об пол летела вдребезги чашка с чаем, или авторучка, или книга: что оказывалось у Александра под рукой. Его глаза наливались кровью, на губах проступала пена... Лидия так пугалась, что не могла даже вскрикнуть, прижимала руки к лицу, отворачивалась к стене... Она понимала, что ни сказанный ею пустяк вызвал бурю, а нечто, давно копившееся в его душе, что он молча терпел и переживал. И вот – лёгкий толчок и взрыв... Лидия понимала, но легче ей от этого не становилось. Мучила обида за то, что Алик не делится с ней своими тревогами, не советуется. За то, что зло, принятое от других людей, срывает на ней.

Однажды, после такой ссоры, когда он, подкошенный гневным смерчем, упал ничком на диван, Лида, вжимавшаяся в стену, тихонько пересекла комнату, взяла свою сумочку, надела в коридоре берет и куртку и вышла из дому. Алик не шевельнулся, ничего не сказал во след. Был вечер, стоял ещё холодный апрель. Идти к подругам Лида не собиралась: никогда никому она не жаловалась на своего мужа. Она поехала на вокзал. Здесь было достаточно многолюдно, чтоб затеряться среди транзитных пассажиров. В зале ожидания хорошо топили, ярко горели люстры под высоким потолком, на котором летели самолёты, шагали весёлые люди, колоси-

лась пшеница... Несмотря на аляповатость, этот разрисованный ещё наверное лет тридцать назад потолок вызывал у Лиды светлое чувство, даже взбадривал. Она села на откидной стул в ряду у окна, раскрыла книгу. Книга всегда лежала у неё в сумочке: привыкла читать каждую свободную минуту – в метро, в очереди...

Чтение, невесёлые мысли, набегающие от обиды слёзы, лёгкая дремота, снова чтение... Когда расцвело, Лида пошла домой. Транспорт ещё не ходил, и она шла по пустынным улицам, думая: Алик будет стоять у подъезда, бросится к ней. Он, конечно, искал её, спросит: «Где ты была?» Она скажет: «На вокзале. Хотела уехать от тебя». Или нет – молча пожмёт плечами, и пускай думает, что хочет. Потом, конечно, скажет. На привокзальной площади купила у женщины в платке букетик подснежников. Так и вошла, открыв тихонько ключом дверь в квартиру, с этим букетиком. Алик лежал уже не на диване, а на расстеленной постели – спал. От её лёгкого шума открыл глаза, глянул на часы, повернулся к стене и вновь заснул. Лида не могла поверить: «Притворяется!» Но нет, он вправду спал. И ни в этот день, ни во все последующие дни, месяцы и годы ни разу не спросил её, где же она провела ту ночь...

Лидия всегда умела признать свою неправоту, попросить прощение. Особенно стыдилась своих каприз и мелочной вспыльчивости и так была благодарна мужу за терпение и доброту – всё готова была ему простить! Обхватит руками

шею, уткнётся лбом в плечо: «Алик, миленький, прости, ты, конечно, прав!» Александр же, даже зная, что виноват, упрямо молчал. Он просто переждал два-три дня Лидино го отчуждения и её холодные ответы: «Да», «нет». Потом, замечая, что её обида ослабела, стала расплывчатой и туманной, втягивал её в разговор о подругах или об интересной телепередаче, садился рядом на диване, приобнимая за плечи. А перед сном, в постели, целовал её, повернувшуюся к нему спиной, в волосы на затылке, в шею и плечи, тихонько клал одну ладонь на грудь, другую – на живот... Да, после ссоры, уступая мужу сначала неохотно, а потом неистово, Лидия испытывала особенную истому и возбуждение, и чувствовала в Алике такую же особую силу и страсть. И потом, засыпая в объятиях друг друга, они просыпались счастливые, ссоры как не бывало! Но так случалось лишь вначале. Шло время, подобные молчаливые примирения стали для Александра нормой, а для Лилии всё чаще и чаще жгучею обидою. Её оскорбляло нежелание мужа произнести покаянные слова, хотя бы коротенькое: «Прости...» И когда он, по обыкновению, переждав несколько дней, в постели прижимался к ней, на неё накатывало раздражение. Правда, иногда оно – поддаваясь любви и чувственности, – перерастало в страсть. Но порою брало верх, и тогда Лидия, не умея притворяться и сдерживаться, вскакивала и уходила спать в другую комнату.

О нежных словах, о признании в любви Лидия тосковала

не только в дни примирения после ссор. В безоблачные дни, когда её собственное сердце переполняли нежность и любовь, ей хотелось этих слов, этого материализованного чувства ещё сильнее. Ведь раньше, первые год-два после свадьбы, как любил он шептать ласковые, необыкновенные выдумки и прозвища, как легки были его ласки и поцелуи: она почти теряла сознание от захлёстывающей нежности – его и своей... Теперь же Александр словно всё забыл: молча хватал губами её сосок, деловито подсовывал ей под спину подушку, раздвигал ноги... Нет, нет, конечно же, так бывало не всегда, но видит Бог – всё чаще и чаще. И непременно молча.

... Сколько горьких воспоминаний! Тех самых обид, что накапливались годами, пока... Но разве они разлюбили друг друга? Разве она когда-нибудь сомневалась в любви Александра? Никогда! А сама? Да стоило лишь Лидии представить его, Алика – весёлые глаза, плутоватая и одновременно детская усмешка, – как сердце захлёстывала нежность. Она не встречала в жизни другого такого остроумного человека, как её муж. Шутки и каламбуры его казались неиссякаемы, рождались легко, почти произвольно. Когда в новой квартире, готовясь у переселению, они делали грандиозный ремонт и Алик похудел на восемь килограммов, он сказал с гордостью: «Я жертва перестройки!» А однажды он позвал Лидию на заседание учёного совета, и эти три часа она провела, словно в театре комедии. У Алика было прекрасное настроение, и каждую речь каждого выступающего он поти-

хоньку для неё комментировал так, что приходилось прикусывать зубами платочек. Но одну реплику он не выдержал, произнёс громко, после чего зал взорвался смехом. Один из выступающих, идя к трибуне, прежде подошёл и закрыл распахнутое окно. Стояла весна, под окном цвела сирень, её запах разливался по комнате. Правда, уличный шум тоже доносился, но на него никто не обращал внимание. Этот же окно демонстративно захлопнул. И тут же, почти без паузы, Александр сказал:

– Мироненко слов на ветер не бросает...

Мог Алик, услышав на ходу фразу, тут же ответить мгновенно придуманным стишком: «Нет, я не Байрон, я другой, я со здоровою ногой».

А некоторые его сочинения «ходили» по институту и даже по городу.

В коридорах власти

Разгорались страсти:

Разгорались страсти –

Раздавались сласти!

Лида же знала ещё и то, что, кроме неё, не мог знать никто. Утром, в постели, не до конца проснувшись, порой даже не разлепив глаз, Алик бормотал весёлые двустишья:

Ты ужасно соблазнительна –

Осязательно и зрительно!..

Как любила она эти «утренние двустишки»! Как вообще любила она его ищущий одобрения взгляд! Скажет калам-

бур, и первым делом поворачивается к ней – по-мальчишески наивные глаза словно спрашивают: «Ты поняла? Тебе понравилось?» Она всегда первой схватывала его шутки, всегда первой смеялась. И в эти минуты так любила его!

Когда Боря Мазер укатил за кордон и Александр стал владельцем и директором фирмы, а Лида к тому времени не работала уже в своём КБ, она охотно взялась помогать мужу. И оказалась отличным секретарём. Вела всю деловую переписку, печатала документы, ходила по инстанциям. И, конечно, была в курсе всех дел Александра. Тогда и он изменил своему обычному правилу, стал с ней всем делиться и во всём советоваться. И понял, что жена – лучший друг и единомышленник. Этот год стал для них прекрасным возвращением в молодость. Понимание, сочувствие, нежность... ведь было же это, было совсем недавно! А потом появился шеф, его племянник, вся их команда, помощь Лидии стала не нужна.

– Ну и хорошо, – сказал тогда Алик. – Ты такой груз тащила на себе, отдыхай.

Он всё ещё по инерции рассказывал ей о делах: сначала восторженно, потом с ироничным недоумением, незаметно ирония исчезла, а недоумение перешло в горечь и обиду. И вновь он замкнулся: рассказывал факты, но молчал о чувствах. И неожиданные вспышки гнева возобновились. Всё чаще и чаще виновницей всего плохого необъяснимым образом становилась она, Лидия. От этого сжимались душа и сердце, опускались руки, наваливалась безысходность, кото-

рую женщина ощущала, как сильную физическую усталость и приближение старости. Однажды в такой момент она и сказала тихо, скорее самой себе:

– Устала...

И Алик ответил зло, жестоко:

– Чего ты хнычешь? Другие ещё и за детьми ходят!..

Закружилась голова. Лидия ушла в ванную, открыла кран, стала стирать – машинально, не понимая, что делает, руки работали сами. А губы повторяли:

– Как он мог... Как он мог...

Так ударить, по самому больному, специально...

Наверное, эта фраза стала последней каплей из опрокинутой чаши... Чего? Скорее всего надежды – надежды на возвращение светлых времён. Потому что как раз на следующий день Лидия и встретила – во второй раз, – того, другого мужчину. Сашу...

* * *

Сказав свою обидную фразу да так и не поняв, как больно сделал ей, Александр вечером отбыл в командировку. В последнее время он стал часто уезжать – на три, четыре дня, иногда на неделю. Лидия плохо спала ночь, рано встала, начала убирать квартиру. Завтракать не хотелось, но часов в одиннадцать она подумала: «Пойду выпью кофейку». И пошла в своё любимое кафе «Сюрприз» – рядом, за углом.

Когда Карамышевы переселились в новую квартиру, кафе уже существовало. Здесь музыка играла приглушённо, над каждым столиком горели приятные, в зелёных абажурах светильники, кофе готовили отменный, пирожные очень вкусные. Кафе было популярным, но Александра и Лидию, молодых и общительных, многолюдность не пугала. Они ходили сюда часто, охотно. Но потом походы эти стали реже и сами собой прекратились. Но вот в последний год Лидия вновь стала заходить в «Сюрприз» – сама. Здесь кое-что изменилось: кафе теперь и днём, и под вечер пустовало. За считанными столиками сидели люди, хотя всё так же тихо играла музыка, уютно светились зелёные абажурчики, а кофе и пирожные оставались такими же отличными. Только в округе понастроили другие кафе – частные современные штучки с видео, бильярдом, роскошными тентами на улице, удобными подъездами для машин. Там жизнь бурлила – шикарно, шумно, напоказ. Лиде же нравилось посидеть в «Сюрпризе», почитать книгу, не торопясь надкусывать пирожные, попить кофе. Здесь она отдыхала душой, да и воспоминания незримо витали...

Она вошла в кафе и сразу же увидела этого мужчину. Он сидел один за столиком, ел пиццу, вскинул на неё глаза и сразу стало ясно, что узнал. И Лидия узнала его. Где-то месяц назад, здесь же, в кафе, он не сводил с неё глаз, а когда выходил, так неловко споткнулся о стул, что выбил у неё из рук книгу. Поднял, бормоча извинения, и, смущённый, вы-

скочил прочь. Теперь же он заметно обрадовался. Ей тоже было приятно: давно не ловили она такого откровенно-восторженного мужского взгляда. А незнакомец, дождавшись, когда она со своим кофе и пирожным сядет за столик, подсел к ней... Она и сама до конца не понимала, почему не отказалась от знакомства и, главное, почему час спустя они вдвоём оказались у неё в квартире, в постели. Наверное, сказались годами копившиеся обиды и эта последняя, вчерашняя. А ещё то, что звали мужчину тоже Александром, что, внешне похожий на её мужа, он был совсем другой – простоватый, наивный, говорливый, в самые интимные минуты вслух восторгался ею, так сладостно стонал, был так благодарен. Но главное – этот восторженный взгляд...

В их город Саша наезжал из Воронежа по делам какой-то фирмы, был разведён, одинок. Ещё дважды в его приезды они проводили ночи вместе. А в тот роковой последний раз он ехал вообще не сюда, а в Ростов. Просто завернул к ней на свой страх и риск и считал, что очень удачно – мужа дома не оказалось...

В те несколько секунд, когда Алик распахнул дверь спальни и Лидия ещё не успела увидеть карабин в его руках, она испытала странное чувство. Она поняла, что сразу же, с появлением у неё любовника, ждала и хотела этого столкновения. Хотела видеть на лице Алика и обиду, и недоумение, и ревность, и пробудившееся осознание того, что она, его жена, очень привлекательная женщина, что её могут лю-

бить, желать. И сквозь страх тех первых секунд она не смогла скрыть во взгляде торжества: «Наконец-то ты обратил на меня внимание!»

* * *

В шестом часу вечера, едва женщины вернулись из мастерской, в камеру зашёл дежурный надзиратель, назвал три фамилии, в том числе и Карамышеву. Сказал:

– Собирайте вещи, посуду, бельё, переводитесь в другую камеру.

Уже несколько дней шел разговор об очередной перетасовке заключённых. Это делалось периодически, чтоб не привыкали женщины друг к другу, не заводили друзей.

В полотняную сумку, к своим нескольким личным вещичкам, Лидия положила миску, кружку, ложку, полотенце, сняла с матраса матрасовку, заменявшую простынь. Она была готова.

В новой камере стоял непривычный дурной запах: смесь пота, хлорки, грязного белья, больного зловонного дыхания. Наверное, в прежнем её жилище тоже не благоухало, но к тому запаху Лидия привыкла. А здесь ей стало плохо, подступила тошнота. Из двух соседних лучших нар – в углу – на неё глядели две женщины. Вид обоих вызвал у Лидии дрожь. Худая – с морщинистой кожей и тонкими синими губами, и полная – с обрюзгшим одутловатым лицом, серыми от про-

седи редкими волосами. Лидия не раз видела их, всегда вместе, в столовой, слышала, как о полной говорили: спокойно вырезала всю соседскую семью – что-то там не поделили.

– О! – скривила губы в ухмылке худая. – А вот и знаменитая убийца мужей. И молоденькая ещё! Нашей компании прибыль... Ну-ка, иди сюда...

Но Лидия молча поставила свою сумку на первую же койку от двери, села, стала выставлять на тумбочку посуду. Полная женщина смотрела на неё неживыми тусклыми, словно залитыми оловом глазами. Смотрела, будто не видела, не произнося ни слова. А Лидии было страшно так, что хотелось броситься к запертой двери, стучать в неё, просить увести отсюда!..

Глава 9

Казалось бы, простое дело о самоубийстве-убийстве Александра Карамышева осталось всё же в душе капитана Ляшенко. И не просто воспоминанием – какой-то неясной печалью, и ещё чем-то... Он сам не сразу осознал, что – чувством неудовлетворённости. Что-то не сделал, что-то упущено... Впрочем, скоро и это чувство если не ушло совсем, то забилося куда-то глубоко в подсознание. Слишком много было дел, самых разных. Буквально через месяц после осуждения Лидии Карамышевой пришлось Антону самому лично задерживать преступника – при очень необычных обстоятельствах.

В тот день он был дежурным по городу. Утром, сдавая вахту, майор Викентий Кандауров напомнил почему-то именно ему:

– Особое внимание, капитан, на бежавших позавчера из Первомайска двух уголовников. Они ещё не пойманы.

– Ну-у, – протянул Антон. – Времени у них много было, небось уже намотали за собой тысячи километров.

– Что ж, может и так. Но я человек простой, простодушный. – Кандауров чуть тронул улыбкой уголки губ. – Думаю, наш город так быстро им не миновать. Во всяком случае, капитан, обращайтесь внимание на любые подозрительные случаи. Один из бежавших – очень опасный рецидивист, убий-

Два человека прятались в густом кустарнике. Их чёрные одежды, бритые головы, резкие настороженные движения внушили бы чувство тревоги, а то и просто страха тому, кто наткнулся бы на них случайно. Но их никто не видел. Длинная узкая траншея пересекала лес. Она так заросла колючим кустарником, что казалась непроходимой. Один её край выходил к грунтовой дороге. За дорогой тянулся забор, стояли весёлые домики в окружении качелей, горок, бегала детвора. Двое скрывались как раз на этом краю траншеи, и сквозь кусты им был виден беззаботный детский городок.

– Тоже лагерь, – сказал старший, усмехнувшись. – Строго пионерского режима.

– Не-е, – покачал головой другой. – Это малышня ещё. Наверное дачи.

– Что за дачи? – удивился старший, отгоняя комаров от лица.

– А детские сады вывозят за город на оздоровление. Тут и живут всё лето. Я и сам когда-то ездил.

– Ты, Шнурок, был тогда пай-мальчиком? Или уже девок щупал? – подначил его старший. Шнурок оскалил мелкие зубы – улыбнулся. Другому бы смеяться над собой не позволил, в горло бы вгрызся. Но Шатуну можно было. Он был

не только его паханом, но и кумиром. Глядя, как здоровенной лапищей гладит главарь свою «заточку», он чувствовал и жуть, и преклонение. Ответил с внезапно пробившейся давней болью:

– Тихеньким не был, драться любил. Конфеты, яблоки у других отнимал. Когда прямо из рук, а то по шкафчикам шастал. Меня ж мамаша подкидывала на всё лето – и с концами, не появлялась ни разу. А ко всем по воскресеньям толпы родителей, гостинцев наташат...

Шатун кончил обтирать нож, вертел его в руках. Заточка была самодельной: длинное тонкое лезвие, трёхгранное. От него почти не бывает крови и остаётся маленькое отверстие. Такое, какое осталось на шее у Гориллы. Шатун сцепился с ним в кладовке с барахлом, на заводе, куда их вывозили работать. Там был цех, опломбированный, казалось, наглухо, где вкалывали одни заключённые. Но завод не тюрьма, и когда они, стараясь идти спокойно, пересекали заводское подворье, их чёрная одежда почти не отличалась от спецов рабочих. Но перед этим случилась та драка в кладовой. Мастер послал Шатуна за обрезками тряпья – вытирать руки. Был ли он в сговоре с Гориллой, или тот – давний смертельный враг Шатуна, – сам услышал и пробрался в кладовую раньше... Теперь это неважно. Но Шатун недаром носил своё прозвище: чутьё у него звериное. По пути в кладовую он тихо свистнул Шнурку. И когда из угла неслышно прыгнул длиннорукий, с обезьяньей челюстью человек, их оказалось

двое. И заточка из рук Гориллы перешла к Шатуну. Теперь она его – дважды пустил её в дело. И не жалел о том. Не жалел ни Гориллу, ни конвоира, услышавшего шум в кладовке и открывшего запасную, ведущую прямо на улицу дверь. Он думал, что его пушка надёжнее холодного железа... Этот побег Шатун не планировал, но мечтал о нём долгие годы. Поглаживая ребристую ручку оружия, он думал о Горилле без злобы: сам того не желая, тот помог ему выйти на свободу. И пока всё шло хорошо.

– Удобная ручка, – сказал он. – Ладонь с неё не соскользнет.

– Уходить надо, – замотал головою молодой. – Комарьё загрызает.

– Уйдём по темноте. Да-а... – старший смотрел через дорогу на двух ребятишек, которые ползали на коленках, что-то рассматривая в траве. – Вот этих бы малявок взять с собой, заложниками.

– Лучше вон ту цыпочку, – хохотнул Шнурок, указывая на молоденькую воспитательницу, которая пасла детвору в глубине площадки. – С неё есть что взять. А с этих какой толк...

– Тебе бы всё... – ругнулся Шатун. – Дети в заложники – лучше всего. Ради них и родители, и легавые расшибутся, на всё пойдут.

– Да ведь шмон какой поднимется! Ты что, Шатун? – испугался вдруг младший. – Ведь всё тихо, мы и так уйдём...

– Шум будет большой, точно, – рассуждал главарь. – Да не трясись ты, это я так... прикидываю. – И вдруг мгновенно и бесшумно отпрянул в самую глубь колючих зарослей, дёрнув за собой другого и одновременно указав глазами в сторону. Шнурок глянул: в дальнем конце забора появился солдат с автоматом. Внимательно оглядев опушку леса, он поправил ремень и стал вышагивать по периметру забора. Двое чёрными ужами поползли по траншее, подальше.

– Обложили! – шипел Шнурок, задыхаясь от тоски и страха. Но Шатун вдруг остановился.

– Теперь ночи ждать не будем, – сказал он. – Теперь наоборот, сейчас надо идти, к реке. Там сегодня должно народу много быть – жарко, суббота. Сойдём за отдыхающих.

Лес в этих местах был обширный, но не густой. Часто прерывался большими светлыми полянами, холмами. Впрочем, был он и безлюден. Местный народ по грибы и ягоды ходил в другие, дальние боры, а наезжавшие к детям родители предпочитали прибрежный песок и прогретую воду неглубокой реки. Потому и проскользнули два человека незамеченными к опушке. В этом месте лес подходил к самой воде, берег зарос камышом, дно затянулось илом. Песчаные отмели, облюбованные народом под пляжи, мелькали вдальеке, а здесь было пустынно.

Шатун приказал раздеться до трусов. Из найденной в кустах мятой газеты соорудил себе пилотку. Шнурок же прикрыл свою бритую голову большим листом лопуха, свернув

его в колпак. Теперь они походили на местных рыбаков-забулдыг, вышедших в выходной день на бережок не столько рыбку половить, сколько раздавить бутылку. Правда, у них были бледные, с синевой, тела. У местного люда кожа на солнце продубела. Только это наблюдение – для очень уж до-тошного человека. А они лезть зазря на глаза никому не собирались. Хотя и рискнули: вышли на берег и сели в камышах у воды. Грело солнце, течением несло мимо травинки, в камышах чирикали птицы. Они болтали уставшими ногами в воде, расслабившись на несколько минут. Верхом, вдоль опушки, шла компания подростков с удочками. Из одного места они оказались видны ребятам. Но те, не обращая внимание на две фигуры у воды, прошли мимо. Однако Шатун заметил, что мальчишки дымили сигаретами. Толкнул локтем младшего:

– Заначь курева.

Шнурок выскользнул наверх, и Шатун услышал его весёлый говорок:

– Эй, пацаны! Одолжите коллегам-рыбачкам сигареты, уши пухнут!

Может, и не стоило привлекать внимание, но уловив лёгкий запах табачного дыма, Шатун на минуту перестал себя контролировать. Впрочем, всё обошлось, и скоро они на пару дымили – впервые за два дня.

– Нормально прошла проверочка, – елозил, скаля зубы, Шнурок. – Сопляки ничего не заподозрили.

Но Шатун молчал. Он сосредоточенно глядел вперёд. Широко разливаясь, река омывала несколько маленьких островков, заросших осокою. У одного из них – как раз напротив, – была причалена лодка. И всё то время, пока двое сидели у берега, ни у лодки, ни на самом островке никто не появлялся. Возможно, на другом краю, в осоке, сидел с удочкой рыбак... или ещё какой-нибудь хозяин у лодки должен быть. Но стояла тишина. Шнурок понял, куда смотрит главарь.

– Поедем, красотка, кататься, – пропел он, – давно я тебя подждал!

– Тихо! – цыкнул на него Шатун. – Бери всю одежду и иди туда, за поворот. Если получится, поедем дальше на лодке.

– Во! Лучше не придумашь! – восхитился младший. – Едут себе два ханырика-рыбачка...

– Если получится... – повторил Шатун. – Ну, иди!

Он вошёл в воду, нырнул и крупными саженями бесшумно поплыл к острову. Родился и жил он на берегу большой северной реки, плавал отлично. И очень скоро оказался у лодки. Взялся рукою за борт, заглянул. Пусто, только вёсла. Осторожно вошёл в осоку, остановился, и сквозь шелест ветра в остролистой траве прислушался. И услышал тихий стон. Казалось, даже сердце перестало стучать – так окаменел он, почуяв опасность. И опять пронёсся стон. Теперь Шатун разобрал: женский и... нет, не от боли. Верхняя губа его дернулась, – он уже понял в чём дело. Раздвигая ладонью осоку, он пошёл на звук, шаги были неслышные, звери-

ные. И вот он увидел: на траве, утрамбованной телами, катались, словно боролись, двое. Поднятое вверх лицо девушки с закрытыми глазами, с полуоткрытым ртом, излучало страдание. Но такое сладостное это было страдание, что у мужчины остановилась кровь, и похолодело в животе. Девушка стонала, и с каждым новым стоном руки её сильнее сжимали плечи парня. Он был темноволос, обнажённая спина смугла, мускулиста... Их ноги сплелись, а тела двигались в одном ритме.

Шатун давно был без женщины и привык к этому. Но сейчас от увиденного в глазах поплыли розовые круги. И только непроходящее чувство близкой опасности заставило его отступить, отпустить осоку и подумать: «Это надолго. Хорошо».

Он быстро вернулся, отвязал цепь, намотанную на колышек, прыгнул в лодку. И уже когда повернул за мыс и увидел на берегу фигуру Шнурка, перевёл дыхание и подумал с усмешкой: «Хорошо, что я пошёл. Этот охотник до баб так просто бы оттуда не ушёл. Всё испортил бы...»

В солнечный день по реке в лодке плыли двое. Они, казалось, ничем не отличались от других отдыхающих: самодельные шапки, семейные трусы, голые плечи подставлены тёплому ветру...

К городу, одному из окраинных посёлков его, они подплыли, когда уже стало смеркаться. Задвинули лодку в кусты, намотав цепь на корягу, оделись и присели там же. Улица,

идущая по высокому берегу, была пуста, но из других, уходящих вглубь домов, раздавались и голоса, и музыка, и смех. Двое снова сидели в кустах, изредка устало матерясь. Они ждали более густой темноты – упыри, караулящие жертву, и, в то же время, загнанные в угол бешеные псы...

Но вот мимо них, выше по тропе, прошли двое. «Да брось ты, Витёк!» – смеялась девушка. А высокий курсант приговаривал: «Какой анекдот! Всё натурально! Наш капитан сам анекдот ходячий». Они свернули в одну из улиц, уже тихую и тёмную. И двое из кустов, не сговариваясь, двинулись за ними – чёрные бесшумные тени. Парень и девушка вошли в переулок, освещённый лишь одним фонарём да светом из окон, остановились у калитки. Шнурок часто с посвистом задыхал над ухом, и Шатун сразу догадался, что он сейчас скажет.

– Девку бы взять!.. – просипел тот.

Зачем они пошли за этими двумя? Ведь главное, что сейчас им было нужно – одежда и деньги. А что взять с курсанта и девчонки? Может и правда девичий голос, ласковый, влюблённый, и оттого тяжело возбуждающий потянул их?.. Похоже, девушка звала парня зайти в дом. Но он покачал головой и достал сигареты: покурю, мол, подожду здесь. Она толкнула калитку, ушла. А курсант вдруг направился туда, где, за поворотом, таились беглецы. Место это представляло собой тупичок из глухих заборов без калиток, и Шатун догадался, что парень хочет здесь оправиться.

– На ловца и зверь... – прошептал он, быстро став за ствол старого дерева. – Шнурок, не прячься, попроси у него прикурить.

Шнурок ничего не успел ответить: курсант вышел прямо на него и остановился, затягиваясь дымом.

– О, командир, какая встреча, да на такой природе! А я пухну без курева. Вышел вот в пижаме до ближайшей лавки, да уж всё закрыто. Не найдётся чинарика?

Курсант молча достал пачку, выбил сигарету, кивнул. Ёрничая, изображая благодарность, Шнурок нагнулся прикурить и в этот миг увидел, как напряжённо сузились глаза у парня. Словно фотовспышка высветила беглецу картинку из его близкого будущего: его карточка на стенде «Разыскивается преступник», опера, ломающие назад руки, проход под конвоем между бараками и стеной из колючей проволоки... Но в это время бесшумно шагнул из-за дерева Шатун – как раз за спиной курсанта. Его удар в шею – короткий и почти неуловимый для глаза, Шнурок уже знал. И не отвёл глаза, как в первый раз, глядя на главаря, держащего словно бы в объятиях уже видимо мёртвого парня. Тот бесшумно опустил тело на землю, сказал тихо:

– Быстро, раздевай... – и сам стал стягивать китель и рубаху. Чуть слышно подвывая – от страха или от возбуждения, – Шнурок рвал с мёртвого ботинки, расстёгивал брючный ремень. Ему хотелось крикнуть: «Зачем нам это военное барахло!» – но Шатун был весь как сжатая пружина: каждое

движение – рывком, каждый взгляд – как лезвие. И Шнурок промолчал.

В углу тупика Шатун с самого начала заметил люк канализации (глаза у него были, как у кошки, видели в темноте). Вдвоём они сдвинули люк и скинули в тёмный, журчащий водою провал тело. Крышка плотно легла на место. С момента, когда курсант и Шнурок глянули друг на друга, прошло пять-шесть минут. С туго скомканным узлом одежды прометнулись они улицею... поворот, ещё один, и с обрывчика съехали прямо в кусты к лодке. А ещё через мгновение тихо звякнула размотанная цепь, и тяжёлая рука Шатуна, упираясь веслом о воду, выгребла лодку на середину реки и повела по течению. И всё это – молча. Даже Шнурок лишь подумал на бегу: «Сейчас девка выйдет...» Так хотелось ему шагнуть ей навстречу вместо того парня, ухмыльнуться, зажать рот ладонью... Но понимал: нельзя, опасно, опасно! И потому лишь молча сглотнул эти слова.

Когда река сделала поворот, Шатун кивнул на ворох одежды:

– Возьми китель и рубаху, замой у ворота кровь. И не кусись! У меня план есть. Сработаешь за курсанта – размер как раз тебе подходящий.

– Под вышку меня ставишь, старшой! Первый же военный патруль выдернет...

Шатун стал на редкость терпеливым, объяснял спокойно:

– Сегодня что? Суббота. Курсанты все по лагерям летним,

а на выходной их домой отпускают. Так что до понедельника его на службе не хватятся. А дома подумают – у девки остался, не младенец ведь. Девка увидит – ушёл, обидится, тоже искать не будет. И патруль знает, что курсанты гуляют. Да и не станем мы на тот патруль выходить. А вот доверие у людей курсант вызывает больше, чем штатский. На том и сработаем.

Шнурок понемногу отходил, сбрасывая страх и раздражение, завертел головой. И вдруг засуетился:

– А ну давай к берегу скорее! Чуть в самый центр не въехали! Гляди, уже дома большие рядом, во – и набережная гранитная!

И вправду – совсем близко высились громады старинных зданий центра города. Но пристали к берегу они удачно: туда, где стояли пустые, покосившиеся, приготовленные к сносу, а кое-где и разбитые уже домишки. Местный житель Шнурок с видом знатока пояснил:

– Здесь будет новый микрорайон.

– Вот и хорошо. А пока любая квартира нам здесь подходит. Хотя бы эта...

Они влезли в разбитое окно и в замусоренной, пахнувшей собаками комнате проспали до утра. За душную ночь высохли застиранные рубаха и китель. И когда утром Шнурок облачился в одежду убитого парня, она пришлась ему так ловко впору, что Шатун присвистнул: ладный, симпатичный курсант стоял перед ним.

– Да, парень, – сказал он. – Не туда тебя жизнь понесла. Тебе бы офицером стать да такими шнурками командовать.

Шнурок не обиделся, хмыкнул, сдвинув браво на лоб фуражку с кокардой. Он вспомнил, как давно когда-то, вот здесь, недалеко, в этом городе, с восьми до девяти утра перекрывалось движение машин на тротуаре, разделявшем его школу и военное училище. И по асфальту, мерно грохоча сапогами, под снегом, под дождём, с песнями шли курсанты. Они, старшеклассники, покуривая на школьной спортивной площадке, глядели и перебрасывались по этому поводу шуточками. Но многие завидовали сильным тренированным парням в хабэ, перед которыми было ясное, обозримое будущее. А кое-кто и сам собирался податься в офицеры. Шнурок, у которого в то время было простое школьное прозвище Клёпа – производное от фамилии, – тоже подумывал об этом. Затягиваясь дымом от одолженной сигареты и ёжась в своей замызанной курточке, он представлял, что марширует в этом строю и запекает, – а голос у него и вправду хороший, – «Маруся от счастья слёзы льёт, как гусли душа её поёт...» А главное – там кормят и есть где жить. Это значит не видеть провонявшей перегаром и грязным тряпьем комнаты. И ещё в училище наверняка обучают разным приёмам борьбы. Придет он домой в курсантской форме, сдёрнет с дивана отчима – этого бугая, задержавшегося у них дольше других, и врежет, и врежет!.. А через полгода с весёлой компанией дружков пошёл он по групповому делу из-за девчонки,

перехваченной ими вечером в парке. Получил самый малый срок, потому что стоял в стороне, смотрел, как загипнотизированный, не в силах шевельнуться. Но дальше этот срок стал наматываться – второй, третий. А теперь уже и терять нечего...

Шатун не дал ему развспоминаться:

– Давай думать. Главное – разжиться одеждой и деньгой, да побыстрее. Квартиру возьмём. Ты курсант, что-то ищешь – родственников там или девушку...

– А тут и придумывать нечего, квартиру я ищу, чтоб снять. Привычное дело, никто не удивится. Тут в центре три училища. Курсанты из женатых, кто в казармах жить не хочет, квартируют... Знаю я, куда пойдём! – Шнурок возбуждался всё больше, загорелся азартом. – Есть тут один домик. Домище, ещё до войны строили. Квартиры шикарные, потолки – за три метра! Называется «академический». Для академиков всяких, значит, профессоров, лауреатов. У нас из класса один вахлак жил там: весь в импорте, на машине «Волге» его привозили. Правда, он на костылях ходил... Вообще, там будет что взять! И стариков одиноких много.

– Хорошо, что ты местный. – Шатун, похоже, был доволен. – Теперь думай, как мне с тобой туда пройти. Я ведь не в курсантской робе.

– Да пройдем! – Шнурок чувствовал себя героем положения и ему это очень нравилось: сам главарь зависел от него. – Туда совсем близко можно подобраться задворками.

Вот этот посёлок зачуханный и ещё один такой же прямо в центр ведут. А сам дом-то на тихой улице стоит, по ней и машины почти не ходят. Но недалеко – пивбар, и всякая шушера заходит во двор, в беседочку, добавить к пивку чего покрепче. Так что если скинешь робу, в одной майке пойдешь, покачиваясь, никто на тебя и не глянет...

Глава 10

Когда пришло сообщение о чрезвычайном происшествии в городском парке культуры и отдыха, полковник – начальник дежурной оперативной части, – сразу кивнул Антону:

– Давайте, капитан, на выезд. Вам и карты в руки: поработаете вместе с бывшими коллегами-пожарными.

Ляшенко быстро поднялся. Он уже знал, что из двух ближайших пожарных частей к месту происшествия выехали несколько караулов с лестницами – авто и обычными штурмовыми. Специальной техники для тушения огня не было – ехали они не на пожар. Случилась авария на канатной дороге. Дорога эта соединяла центр города с одним из крупных микрорайонов и проходила в основном над парком отдыха. Оборвался один из тросов, кабины замерли в воздухе. В них приблизительно человек сто пятьдесят. Есть угроза их жизням. Но если даже остальные тросы выдержат, исправить поломку при такой нагрузке невозможно, нужно как можно быстрее освободить кабины.

Ляшенко хорошо знал эту канатную дорогу, не раз ездил по ней. В детстве просто катался. А потом – по делам, чтобы не трястись в объезд троллейбусом. Быстро и удобно. И красиво: внизу поляны, лужайки, озёрца, высокие парковые деревья иногда далеко под ногами, иногда совсем близко – листик на ходу сорвать можно. И панорама центра города как

на ладони. Мальчишками, озорничая, они кричали вниз людям, проходящим по аллеям парка. И те поднимали головы, глядя на проплывающие над ними кабины.

И сейчас люди – много людей, – стояли, подняв головы, глядя на кабины. Только те были неподвижны. Красные машины развернулись и стали на большой удобной поляне почти под самым центром канатки. Это было ещё не самое высокие место, но и здесь кабины покачивались вровень с верхними ветвями многолетних дубов. Наверху, в кабинах, люди кричали и размахивали руками. Антон, выйдя из милицейской машины, достал рупор, спросил старшего лейтенанта-пожарника Корнеева, бывшего своего однокурсника по училищу:

– Миша, у тебя громкоговоритель работает? Хорошо? Тогда так: я иду в один конец, а ты в другой. Нужно успокоить людей, а то гляди – вон уже один примеривается, как бы сигануть из кабины на ветку.

– Предков своих хвостатых вспомнил, – сказал Корнеев и крикнул в рупор. – Мужчина, вы что, чемпион мира по прыжкам в длину? Нет? Тогда отбой! Не нужно этого делать. Чуть промахнётесь и голову разобьёте. Немного терпения, и вас снимут квалифицированно и безопасно...

Ляшенко пошёл вдоль линии, выкрикивая в громкоговоритель:

– Спокойно, товарищи! Помощь уже пришла. Если в кабинах есть женщины с детьми, больные люди, старики – по-

давайте знаки. К вам придут в первую очередь.

– Товарищ капитан, – кричал мужчина, перегнувшись через борт кабины, – опаздываю на самолёт, помогите! Вот, посмотрите!

И бросил что-то вниз. В траве лежал паспорт, в него был вложен билет на авиарейс. Антон глянул время: через два часа. Прикинул: штурмовой лестницы вполне хватит, кабина не очень высоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.